

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

Т Е Н Ь   Л О Г О В А

ЧАСТИ ЕЕ ТЕЛА

Тень Логова

Юлия Лавряшина

Части ее тела

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Части ее тела / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2023 — (Тень Логова)

ISBN 978-5-04-193881-9

«Части ее тела» — четвертая книга в цикле психологических детективов Юлии Лавряшиной. В новом романе Юлии Лавряшиной мы продолжаем следить за тем, как следователь Артур Логов и его союзница Саша Каверина ходят по грани, раскрывая жестокие и хитроумные убийства. Саша оказывается в одной компании с преступником, но предотвратить убийство не удастся. Ведь все молодые ребята кажутся обычными людьми. А за первым убийством следует другое...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193881-9

© Лавряшина Ю. А., 2023
© Эксмо, 2023

Юлия Александровна Лавряшина

Части ее тела

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Лавряшина Ю., 2023

© Оформление ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

– Даже не мечтай, – заявил Артур, когда я между делом сообщила ему о том, что собираюсь на вписку.

Сначала он, правда, подавился любимым «медальоном» из свинины, наверное, в слове «вписки» ему послышалось нечто омерзительное. Пришлось наскоро объяснить, что так называется вечеринка, на которой собираются незнакомые друг другу люди, познакомившиеся в сетях. Меня позвали на это сборище в ВК, и мне показалось заманчивым провести вечер с людьми, которые совершенно ничего обо мне не знают. И больше мы никогда не увидимся вживую...

Сережке с Никитой не требовалось расшифровывать такие простые понятия, мы говорили на одном языке, но оба замерли, уставившись на Логова, точно он и впрямь мог запретить мне что-то... Сам же миллион раз повторял, что не отец мне, хоть и любил мою покойную маму. Скорее, старший друг. Разве друзья смеют влиять на наши планы?

Но уже вспомнилось, сколько раз мои планы приводили к тому, что Артуру Логову приходилось вытаскивать меня чуть не с того света. И ни один из нас не хотел повторения. Поэтому я тоже промолчала.

– Вот чего ты, а? – протянул он расстроенно. – Хорошо же сидели...

Мне тоже нравилось это кафе, оформленное в стиле «Криминального чтива». Курить здесь не разрешалось, как и везде теперь, поэтому по залу витали приятные запахи кофе, корицы, сдобы и еще чего-то сладкого, напоминающего аромат кокоса, от которого у меня волновалось сердце. Сейчас было не так многолюдно, как вечерами, когда включалась мягкая подсветка, и тени сливались одним темным маревом, которое не пугало, а умиротворяло, создавая иллюзию едва ощутимого покачивания. Хотелось сидеть и сидеть здесь с тарелкой салата или чашкой кофе, смотреть на Артура, отмечая, как косятся на него все девушки, слушать его рассказы о том времени, когда меня и на свете не было...

Мы бывали здесь не раз, но впервые Артур взял с собой своего помощника Никиту Ивашину, а тот позвал Серегу Малышенкова, с которым они теперь были точно попугай-неразлучники, хотя совсем недавно последний считался моим другом. Мы даже учились с ним в одном классе до тех пор, пока Сережку из-за его дури не вышибли из школы. А до того мне приходилось вечно помогать ему и поддерживать... Но когда он с легкостью променял меня на

Никиту, я не была в претензии, мне даже спокойней стало, что не придется возиться с каждым из них в отдельности.

– Мало тебе Умника?

Это было жестоко с его стороны, ведь ту историю я старалась не вспоминать. Прошлогдний май зиял в моих воспоминаниях кровавой дырой, которую я в ужасе обходила, заглядывая в прошлое. Туда кануло все, что я любила в этой жизни... Как Артуру удалось удержать меня на краю? И как он может теперь так спокойно говорить об этом?

Мысленно отпрянув, я возразила:

– Это другое. Не свидание, а вечеринка. Тусовка. Там будет полно других девчонок. Ты сам говорил, что мне нужно хоть иногда общаться с ровесниками.

Артур сделал обиженную гримасу. Но по тому, с каким воодушевлением он вернулся к мясу, я с облегчением поняла, что уговорить его, кажется, возможно.

– Хочешь сказать, тебе скучно со мной?

– Тебе сорок лет, – без церемоний напомнила я. – Не могу же я все свободное время проводить со стариком...

Он аж задохнулся:

– Сашка! Я – старик?! Да я чувствую себя на двадцать пять...

– Все старики так говорят. Училась бы я в институте, мне бы там хватало общества. Но раз я такая бестолочь, что никуда не поступила...

– Ты и не поступала!

– ... и поэтому безвылазно сижу дома...

– Ты помогаешь мне проводить расследования, – возмутился Артур, потом покосился на Никиту: – Нам...

Не утвердив его поправку, я заявила:

– Чтобы совсем не превратиться в бабульку на лавочке, для которой все вокруг проститутки и наркоманы, мне нужно хоть иногда общаться с себе подобными.

– А их тебе не хватает? – Артур кивнул на мальчишек, которые замерли с одинаково вытянувшимися лицами, точно проходили серьезную проверку на годность.

– Ты не допускаешь, что мне интересны не только мальчишки?

– А кто еще? – удивился он искренне.

И тут же сам расхохотался, заставив обернуться всех посетителей, и – на ходу – молоденького официанта, поднос которого опасно накренился. У меня даже рука дернулась – подхватить. Лица застыли, одинаково вытянувшись: «Что смешного?» Почему людей всегда пугает подозрение, что это смеются над ними?

В этот момент Сережка побелел так, будто увидел санитаров из той самой психиатрической больницы, откуда я помогла ему сбежать. Качнувшись вправо, он спрятался за Артура, сидевшего напротив. Любопы на моем месте попытался бы вычислить, на кого был направлен его взгляд за секунду до этого, но Логов уже научил меня сохранять самообладание в тех ситуациях, которые зиждутся на опасности. Какой – я еще не поняла, но раз Серега был напуган до дрожи...

– Кто там? – тихо спросила я, глядя в тарелку.

Запеченная рыба совсем остыла, пока мы спорили, да и вообще она оказалась не особенно вкусной. Точнее, безвкусной. Где та крымская барабулька, которой кормил меня Артур, когда мы ездили в Евпаторию? Кроме вкусной рыбки, там оказалось не много хорошего, но мама учила меня оставлять только приятные воспоминания. Она была самым лучшим...

Как-то замедленно моргнув (я заметила это даже периферическим зрением), Сережка пробормотал:

– Там один из этих...

– Скинхедов? – догадалась я.

Он коротко кивнул, точнее, дернул головой. И сразу все изменилось: угасли ароматы, воздух стал дымным от тревоги и напряжения – где-то тлел огонь нераскрытого преступления, следы которого попытались тщательно скрыть, но от этого они не исчезли совсем. В этом мареве лица людей, сидевших за столиками, больше не выглядели симпатичными и расслабленными. Их черты оказались смазаны, и мне чудились ку-клукс-клановские капюшоны вместо голов...

Невозмутимо орудуя ножом и вилкой, Артур уточнил самым легкомысленным тоном, который я уже хорошо знала: так наш следователь вел себя, когда чуял запах преступления:

– О чем речь, ребята?

Никита незаметно качнул головой: «Не надо!» Я и не знала, что Сережка уже растрепал ему, как стал свидетелем убийства... Рискованно с его стороны, ведь Ивашин теперь тоже был штатным сотрудником Следственного комитета. Но Логову он, как я поняла, и словом не обмолвился, к чему и меня призывал.

Только это больше не имело смысла: Артур уже впился в Серегу, даже если тот сам этого еще не почувствовал, и все равно вытрясет из него признание. Лучше было не сопротивляться...

– Серега видел, как скинхеды летом забили до смерти двух таджиков, – произнесла я ровным тоном, все еще удерживаясь от того, чтобы посмотреть на убийцу. – Один из них сейчас тут.

– Там столько крови было, – пробормотал Малышенков, и побелевшие губы его затряслись, точно он вновь увидел это наяву. – Они головы им размозжили... Кусочек мозга мне на кроссовку прилетел...

Артур молчал пару секунд, не дольше. Потом спросил, не глядя на Сережу:

– Где он сидит?

– Прямо у вас за спиной, – прошептал тот и судорожно облизнулся.

Мне все еще казалось, что он готов потерять сознание.

– Он тебя знает в лицо?

– Видел. Может, не помнит?

– Свидетеля убийства? Не смей меня. Сколько их всего там было?

На мгновение Сережка закатил глаза, припоминая:

– Не знаю... Пятеро? Или больше... Но тех чу... мигрантов били только двое из них.

Логов подвел черту:

– И один сейчас здесь. Какого черта ты молчал столько месяцев?

Что он ожидал услышать в ответ? Сережка струсил, это было понятно без слов. Может, Артуру трудно было понять, что не каждый человек рождается бойцом...

«Это несправедливо, – заспорила я с собой. – Он понимает людей не хуже моего. И сотни раз уже сталкивался с тем, что люди готовы терпеть и молчать, даже когда их истязают и унижают. В каждом из нас скрыто животное – кровожадный хищник или покорная овца. Серега – овца...»

Не проявляя особого сострадания, Логов продолжал пытаться его:

– Если мы возьмем его, ты дашь показания? Иначе все бессмысленно. Больше у нас ничего нет: вряд ли кто-то обратился в полицию.

Серега бросил на меня взгляд, полный отчаяния. Сколько раз я ловила подобный, когда Малышенкова вызывали к доске... Чего я только не придумывала: переворачивала учебник, когда сидела на первой парте, чтобы он читал с листа... Или отчетливо произносила ответ без голоса, и ему как-то удавалось угадывать, что я говорю... Но чем я могла помочь сейчас? Заверить, что скинхеды его не достанут? Я сама не верила в это. Вывать к его совести, после того как сама молчала о преступлении три месяца, было глупо... А упрекать Сережку в трусости нечестно. Кто осмелится открыто пойти против настоящей банды?

– Я могу включить тебя в программу защиты свидетелей, – мягко произнес Артур.

Но это, кажется, еще больше выбило Серегу из колеи – взгляд его так и заметался по нашим лицам:

– В смысле?! Это ж мне уехать придется, так?

– Или сменить внешность и фамилию, – предложил Артур. – Сможешь выбрать себе личико. Кто у вас там сейчас секс-символ?

Он вопросительно взглянул на меня, но я только пожала плечами: некогда мне следить за этой ерундой. Похоже, не только мне показалось, что Логов относится к этому недостаточно серьезно. Серега так и сморщился:

– Вы так шутите? Блин, это смешно, по-вашему?!

– Проще, конечно, перебраться в другой регион...

– Куда? Я родился в Москве.

– И за МКАДом есть жизнь...

– Только не для меня. Все, забудьте, что я сказал. Я не полезу в мясорубку!

Артур светло улыбнулся:

– Тихо-тихо. Это твое дело. Нет так нет.

С подозрением прищурившись, Сережа уточнил:

– Типа, вы это так и оставите?

– А что я могу? – Артур аккуратно отрезал и отправил в рот очередной кусок мяса. – У меня нет ни трупов, ни свидетелей... Что я могу предъявить этому ублюдку? Не могу же я просто подойти и сказать ему: «Парень, я знаю, что ты сделал прошлым летом... Пошли со мной».

– Не можете? – повторил Сережка потерянным голосом.

Логов покачал головой:

– Пусть живет. И ты живи... Только ты, приятель, оглядывайся в темных переулках. До конца своих дней оглядывайся... Не играет роли, выступишь ты против него или нет.

– В смысле?

«Как бы не разревелся», – подумала я с тревогой, глядя, как задергался Сережкин подбородок. Пока он еще держался, но Логов продолжал давить.

– В любом случае ты был свидетелем его зверства, и рано или поздно он тебя отыщет, раз ты больше не с ними. Может, месяц пройдет, может, десять лет.

Я попыталась перехватить его взгляд: «Зачем ты это делаешь с ним?!» Но Артур смотрел только на Сережку, а тот уже просто корчился от страха и чувства вины, как лягушонок, придавленный к земле крепким пальцем. И Логов не собирался его убирать.

А Никита сидел, опустив глаза... Сейчас у него опять был период «одуванчика»: светлые волосы отросли и по-детски пушились вокруг головы. У Артура, видимо, глаз замылился, ведь они встречались каждый день, и он уже не замечал, как выглядит его помощник. А раньше он гнал Никиту в парикмахерскую, как только тот переставал быть похожим на легкоатлета – в другом виде спорта я его как-то не представляла.

Я чувствовала, как у Никитки разрывается сердце от тревоги за друга, но как-никак он работал в Комитете и знал, что Логов прав. Без Сережиной помощи нечего было и мечтать о наказании убийцы.

И Малышенков тоже отлично понимал это. На Логова он тарасился, как кролик на удава: деваться некуда, кольцо сжимается все крепче.

– А что могут сделать с моим лицом? – спросил он жалобно.

– Скорее всего ринопластику, – проговорил Артур таким тоном, точно для него это было обычное дело. – Форма носа очень меняет лицо человека. Волосы перекрасят, стрижку сделают. Хоть глаз откроется...

Длинная русая челка его свешивалась слева на половину лица, и я не представляла Сережку другим. Но, может, ему пойдет?

– Из Малышенкова станешь... Большуновым!

– Как тот лыжник?

Артур улыбнулся:

– Классный парень, верно?

В воздухе повисло невысказанное: «Он бы не струсил...» Серега чуть не уткнулся лицом в тарелку:

– Ну... Я не знаю. Это сработает?

– Я тебе обещаю, – заверил Артур и перешел к делу: – Когда и где это случилось?

Я слушала сбивчивый Сережкин рассказ вполуха, мне он уже рассказывал все это, когда мы встретились в больничном саду. Но Артур ловил каждое слово.

– Значит, он прямо за моей спиной? Как выглядит? Его имя?

– Здоровый мужик со спортивной стрижкой. Я только кличку знаю – Матрос. Может, он на флоте служил? На нем черная толстовка. Только он... не один вроде. – Сережка все еще не решался высунуться из-за плеча Логова. – С ним женщина. И ребенок...

Откинувшись на спинку стула, Артур спокойно заверил:

– Не бойся, мы не станем ему руки заламывать на глазах у ребенка. Надеюсь, он и сам сообразит, как себя вести, чтобы его не травмировать... Значит, так. Сергей, сейчас мы с тобой встанем и пойдем в туалет. Дверь за твоей спиной, так что твоего лица этот парень не увидит. Если еще не засек... Встанешь после меня, я тебя закрою.

«Ты двух таких закроешь», – подумала я.

Точно услышав, Логов перевел взгляд на меня:

– Саша с Никитой остаются здесь. Болтайте, хихикайте, только не поглядывайте в его сторону, ясно?

– Йес, сэр! – приглушенно рявкнула я.

Он невозмутимо кивнул:

– Да, в таком духе... Я вызову оперативников. Когда вернусь, вы уйдете из кафе. Раньше нельзя, чтобы официант панику не поднял, а то решит, будто мы сбежали, не расплатившись... Сергей сразу отсюда сматывается, встретитесь у Сашки дома. Надеюсь, это семейство еще будет здесь, когда Поливец с Овчинниковым нагрянут, иначе придется садиться твоему скинхеду на хвост.

– Ты же любишь погони, – вставила я.

– Кто тебе сказал? Хотя... Ну да, наверное, люблю. Лишь бы нечасто. Когда кровь бурлит, плохо соображаешь, а наша работа в основном здесь проходит. – Артур постучал пальцем по высокому лбу.

Наверное, он не обращал внимания, что все женщины, проходя мимо нашего столика, останавливали взгляд на его лице, которое невозможно было не заметить. Я давно привыкла к тому, как он выглядит, но у тех, кто видел Артура впервые, наверняка перехватывало дыхание. Так же божественно прекрасен был только Ален Делон в молодости – я специально посмотрела несколько детективов с ним в главной роли, когда моя мама начала встречаться с Логовым. Если б она не погибла, сейчас Артур уже стал бы моим официальным отчимом...

– Итак? – Он обвел нас тем взглядом, который просвечивал его подследственных насквозь. – Все поняли задачу? Погнали!

Что нам оставалось делать?

* * *

Еще в начале декабря, когда выпал первый липкий снег, Артур слепил у Сашкиного подъезда полутораметрового снеговика. Надел ему на голову картонное ведро из KFC, валявшееся под скамейкой, вставил ручки-палочки, а глазами стали каштаны, которые он с осени таскал в кармане – ему нравилось перебирать гладкие плоды, казавшиеся теплыми. Подумав, Артур наломал на мелкие части еще одну сухую веточку и сделал снеговiku широкую улыбку: пусть приветствует Сашку!

Не было никакой гарантии, что снеговiku не снесут голову тут же, как Логов скроется в подъезде, но он все же сообщил Саше:

– Там кое-кто тебя ждет во дворе. Его зовут Мишей. И он – отличный парень!

– Но кто это? Откуда он взялся?

– Сама увидишь. Толькохвати морковку. У тебя хоть морковка есть? Она очень нужна ему.

– Он что, осел?

Сашка трясла его за грудки, пытаясь добиться ответов, но Артур только смеялся и мотал головой. Вытащить ее из дома могло только любопытство, Логов же считал важным, чтобы девочка каждый день дышала свежим воздухом.

Снеговик не только дождался Сашку, совсем по-детски взвизгнувшую от восторга, но и прожил больше месяца – уже обзаведясь морковным носом, как и положено приличному представителю их семейства. Заканчивался январь, а Миша с ведром на голове все так же радостно улыбался, распахнув объятия, хоть малость и скособочился во время двухдневной декабрьской оттепели. Но, накренившись вбок, он выглядел еще более заливчатски.

– Почему Миша? – нахмурив светлые бровки, поинтересовалась она однажды.

Артур только руками развел: что-то навяло... Но Сашка продолжала допытываться:

– У тебя же никогда не было сына? А брата?

– У меня даже в друзьях не было Миши, – признался он. – Может, снеговик сам мне шепнул?

Она покачала головой:

– Так не бывает, чтобы ни с того ни с сего. Подсознание выдало это имя. Но почему?

Но Артур так и не вспомнил ни одного Миши в своей жизни... И тогда Сашка серьезно предположила:

– Знаешь, возможно, он скоро появится...

Когда оперативники с рассеянным видом обычных посетителей вошли в кафе, только рассеянно скользнув взглядами по лицу следователя, Логов как раз думал о том, что сейчас Сашка с мальчишками уже добралась до дома и, как обычно, кивнула снеговiku. Теперь им ничто не угрожало.

Вернувшись из туалета, Артур сел на Сережкино место, чтобы следить за Матросом, который, похоже, ничего не заподозрил: лениво листал ленту в гаджете, пока его жена потягивала кофе, а светловолосый сын уплетал десерт – круглая мордашка его светилась от счастья.

«А родители счастливыми не выглядят, – отметил Логов. – Девица угасшая какая-то, полинялая... Он и ее бьет?»

Артур как раз хотел набрать Овчинникова, чтобы поторопить их – ребенок уже приканчивал десерт! – когда оперативники наконец появились на пороге. Скинхед встал в тот момент, когда они подошли к стойке, и направился туда же.

«Вот удача!» – Артур не спеша поднялся и пошел к нему, на ходу небрежно просматривая телефон. Когда Поливец оглянулся, он кивнул ему на парня в черном, и оперативник ловко

переместился у стойки. Теперь они находились с двух сторон от Матроса, а Логов приблизился к нему со спины и тихо произнес:

– Спокойно. Следственный комитет. Советую не пугать своего сына и не дергаться. Вы задержаны по подозрению в убийстве.

Как Овчинников достал удостоверение, даже Артур не заметил, но «корочка» на миг возникла на стойке и вновь исчезла.

– Какого хрена? – процедил Матрос сквозь зубы.

– Похоже, большого, – не удержался Артур. – Сейчас вы тихо уходите с нашими оперативниками, а я извинюсь перед вашей женой. Думаю, для нее ваш арест не станет громом среди ясного неба.

– Это еще что значит?

Не поворачивая головы, скинхед яростно сопел и бросал свирепые взгляды влево и вправо. Оглянуться он до сих пор себе не позволил. Не хотел встретиться глазами со своим малышом?

– Да ладно вам, – добродушно ухмыльнулся Логов. – Разве она не ждала все время чего-то подобного? Живя с таким парнем, как вы, нужно быть готовой к худшему.

– Не понимаю, о чем вы...

– Голливудских детективов насмотрелись, товарищ? «Не понимаю, о чем вы...» Фразочка преступника из сценария средней паршивости.

В бритом затылке возникло такое напряжение, Артуру даже захотелось щелкнуть по нему, чтобы расслабился. Он смотрел на круглую бритую голову и пытался понять, как зарождается, разбухает, точно кислая опара, и заполняет все пространство черепа ненависть, убивающая людей, повинных лишь в том, что их кожа впитала больше солнца.

– Все, пошли, – жестко произнес он, решив: хватит ломать комедию. – Жена в состоянии расплатиться по счету? Еще не хватало, чтобы это милое кафе пострадало из-за тебя.

Матрос молча кивнул и нехотя поднялся, толкнув плечом Поливца.

– Еще раз меня заденешь, мозги вышибу, – предупредил Антон, глядя на него без злобы.

Это прозвучало так буднично, что невозможно было не поверить. Отступив, чтобы пропустить всех троих, Артур подумал: «А ведь обыватель наверняка так и считает, будто мы палим направо-налево... Когда я пушку доставал последний раз?»

Он подошел к столику, за которым остались жена и сын Матроса, как раз в тот момент, когда она начала приподниматься, заметив, что муж уходит, не сказав ни слова. Ее пухлые губы раскрылись, она собиралась окликнуть его, но внезапно перед ней вырос Артур Логов, улыбнулся, как ангел, и ласково посоветовал:

– Присядьте, мадам. Не стоит поднимать шум. Вашему мужу необходимо проехать с нами в Следственный комитет.

– За что? – произнесла она еле слышно.

– Для выяснения обстоятельств, – отделался он дежурной фразой. – А вам советую расплатиться по счету и увести малыша домой.

– Я не малыш! – вмешался уничтожитель десерта, мордашка которого была пятнистой от шоколада. – Мне уже вот!

И он гордо вытянул растопыренную пятерню. Улыбнувшись сверху, Артур присел перед ним:

– Да ты совсем взрослый... А знаешь, сколько это? – Он кивнул на его пятерню.

Мальчик взглянул на мать:

– Пять?

– Ну вот, ты же знаешь, – подбодрил его Логов. – Так и говори. Пальцами только малыши показывают.

У его матери задрожали губы:

– Он и есть малыш. Мой малыш.

Выпрямившись, Артур кивнул ей:

– Вот и спасайте его. Чтобы не вырос таким же...

«Ублюдком». – Он произнес одними губами. Но не сомневался, что его поняли.

* * *

Первая мысль, пришедшая в голову, когда мы не обнаружили Сережку у меня дома, была о скинхедах: перед глазами завертелись могучие кулаки со сбитыми костяшками, бритые затылки, оскаленные рты, обрамленные пеной... Они выследили его, схватили и сейчас измываются над нашим другом в каком-нибудь заброшенном цеху, где его никогда в жизни не найдет даже Артур Логов.

У меня колени ослабли от ужаса, и я чуть не сползла по двери, к которой прижалась спиной, но Никита сжал мой локоть. Он не потерял головы, хоть и разнервничался не меньше меня:

– С какой стати им хватать Серегу? И как они могли узнать? Их там и близко не было. А Матрос никому не звонил и не писал, пока мы сидели в кафе. К тому же Сережка смылся еще до того, как Матроса взяли, он не мог их натравить. А потом тем более... Кто разрешит ему звонить? Поливец?

Как мы ни волновались, но разом хмыкнули, представив мордастого, хищно ухмыляющегося опера, который скорее руку подозреваемому сломает, чем даст сделать незапланированный звонок.

– Куда же он делся? – спросила я, имея в виду, конечно, не Полинца и не скинхеда. И сама услышала, как потерянно прозвучал голос.

Но Ивашин уже набирал Сережкин номер. Я затаила дыхание, чтобы разобрать ответ, но услышала совсем не его голос:

– Аппарат абонента выключен...

– Какого хрена?! – вырвалось у Никиты, и это значило, что теперь и он напуган всерьез, ведь почти за год нашего знакомства я ни разу не слышала от него грубых слов. Кажется, ни разу.

То, как он взвился сейчас, было объяснимо, ведь с сентября, когда Сереге нужно было укрыться где-то после побега из психушки, и Никита пустил его к себе, они стали почти как братья.

– Что будем делать?

Не отвечая, он задумчиво смотрел на телефон и, похоже, решал: проклянет Логов нас обоих, если отвлечь его звонком от задержания подозреваемого в убийстве, или простит как всегда?

– погоди, – остановила я. – Ему сейчас не до нас...

И в тот же момент раздался звонок в дверь, от которого я так и подскочила, хотя звук был мелодичным и звучал негромко. Наверное, я тут же щелкнула бы замком, если б Никита с силой не придавил дверь и не припал к «глазку» своим единственным правым глазом. Когда он отстранился, вид у него был ошарашенный.

– Это Артур, – шепнул он. – Как?!

– Он же чертов Супермен-Логов, – прошептала я в ответ, и мы неожиданно для себя затряслись от смеха.

Но когда я открыла дверь, мы уже не смеялись, иначе пришлось бы объяснять Артуру, отчего нам так весело, когда наш друг пропал... Наверное, мне удалось бы убедить его, что это нервный смех, но пришлось бы поднапрячься, а я чувствовала себя истощенной. Хотелось одного – добраться до дивана, укрыться пледом и взять книгу потолще...

У Артура даже глаза расширились, когда он увидел нас в верхней одежде, еще топчущихся в коридоре.

– Вы только пришли или уже уходите? – Но дожидаться ответа не стал. – Где наше сокровище? Мне нужно документальное свидетельство, чтобы предъявить парню обвинение.

– Сереги нет, – ответила я первой, чтобы гнев Логова не обрушился на Никиту. – И дозвониться не можем.

Его взгляд стал волчьим – я уже знала такой. Но во мне вызывал трепет, ведь Артур жизнь за меня отдал бы, и это я тоже знала наверняка. Так что душить меня своими руками он точно не будет...

– Сереги нет? – повторил он, разделив слова. – То есть он даже не добрался до твоего дома? И вы говорите мне об этом только сейчас?

– Да мы сами только вошли!

Никита сдавленно кашлянул за моей спиной:

– Я как раз собирался звонить вам.

И зачем-то показал телефон, который держал в руке. Артур глянул на него зверем:

– Он мог поехать к тебе? Пошли.

И, как мальчишка, кубарем скатился по лестнице, не дожидавшись ответа и даже не обернувшись, точно и мысли не допускал, что мы помчимся следом. И мы помчались, конечно...

Почему-то впервые я прыгнула на заднее сиденье вместе с Никитой, хотя обычно садилась впереди, но Артур заметил это не сразу. А когда ощутил пустоту справа, то обернулся, и я увидела глаза уже совсем не волка... Он взглянул на меня, как ребенок, потерявшийся в толпе на вокзале: людей вокруг полно, только никто не хочет быть с ним вместе.

– Я...

Договорить я не успела: его взгляд мгновенно изменился, приказав мне заткнуться. Пока Никита находился рядом, такой разговор был невозможен...

Но Артур не вернулся к этому, даже когда мы оставили Ивашина в его пустой квартире – на случай если Сережка объявится. Может, у него сдох телефон или этот лох посеял его где-то, чему я не удивилась бы... Еще в школе Серега постоянно влипал в разные конфузы, причем так глупо – впору было напялить на него колпак с бубенчиками. Как-то он стащил у нашей классной банку сгущенки, а открывашки не нашел и пронзил крышку ножом. И в этот момент учительница как раз и вернулась в класс... Серега не придумал ничего лучшего, чем рвануть в коридор ей навстречу, держа в руке нож с перевернутой банкой, из которой уже стекали липкие струйки. Весь пол в классе и даже некоторые рюкзаки оказались залиты сгущенкой, а Серега неделю не появлялся в школе.

В другой раз этот дурень притащил в класс кока-колу, только почему-то в термосе. Может, под чай маскировал ее, чтобы никто из учителей не привязался с лекцией о вреде газировки? Какие процессы происходили внутри термоса, мне даже представить трудно, но когда Серега открыл его, кола рванула наружу таким мощным фонтаном, что впечаталась в потолок. До дня последнего звонка там темнело пятно, похожее на раздавленного гигантского паука.

Только Сережки уже не было с нами в тот день: Малышенкова выгнали из школы, не допустив до ЕГЭ за его расистские высказывания в безобидном сочинении. Надо было додуматься, а?!

А теперь этот дурачок сам, похоже, стал добычей скинхедов, к которым по скудоумию потянулся, посчитав единомышленниками. И они, возможно, шли по его следу. Я видела: Артур готов волосы рвать от отчаяния, ведь, по сути, это он подставил мальчишку, и мы оба это знали. Конечно, Серега сам знал, что с ним за столом сидит следователь, и нечего было трепаться при Логове об убийстве, если не готов был помочь раскрыть его. Но у него вечно мысль не поспевала за языком...

Остановившись возле машины, Артур огляделся, будто еще надеялся увидеть своего единственного свидетеля, и вдруг произнес с неподражаемой интонацией харизматичного Брайана Крэнстона в сериале «Во все тяжкие»:

– Ссыкло.

Вряд ли этот эпизод вспомнился ему сейчас, просто внутреннее состояние совпало. И я сразу поняла, о чем он думал: Сережка струсил, сбежал, залег на дно, лишь бы не выходить на честный бой с Матросом. Не был Малышенков бойцом – мне ли этого не знать? Я же сама помогла ему сбежать из больницы, чтобы не пришлось заявлять в глаза врачу, что электро-судорожной терапии не будет... Это я показала ему, как справляться с угрозой для жизни – бежать куда глаза глядят. Только сейчас он не мог укрыться даже у меня, как в прошлом, ведь там Артур нашел бы его и за шкуру притащил в допросную...

– Я позвоню его маме.

– А смысл? – Артур произнес это так, словно сплюнул. – Уж кто не сдаст его точно – это мать. Только я не думаю, что он рванул к ней... Ее адрес нам известен.

Он вопросительно взглянул на меня, и я кивнула.

– Можем наведаться, конечно... Но туда он пойдет, если только совсем тупой. Он – тупой?

Я позволила себе только вздохнуть, что тут скажешь... Этого Артуру хватило, чтобы пока не вычеркивать адрес Сережкиной матери из списка. Собственно, пока он состоял из одного пункта, куда мы и поехали. Теперь я сидела с Артуром рядом как обычно, и к нему вернулась обычная уверенность, позволившая гнать так, что машины, которые он обгонял, будто сами испуганно отпрыгивали. Так что до улицы Бориса Галушкина, где жила его мама, мы добрались за какие-то десять минут, что в Москве среди бела дня вообще невозможно.

Только в квартире на третьем этаже нам никто не открыл. Там было пусто или мама с сыном затаились за дверью. В их измененном сознании и мы, и бритоголовые парни скалились одинаково опасными чудищами, которым добровольно они решили не сдаваться. А ломать дверь Артур не собирался... По крайней мере, пока.

– Посажу тут человека, пусть последит, – пробормотал он, когда мы вернулись в машину, и начал кому-то звонить.

К этому моменту я вспомнила, что после того, как мы навевались в наш будущий собачий приют в поселке Образцово, Серега иногда заезжал к деду в Королев. Пустующий особняк моего покойного отца, который я собиралась заселить бездомными животными и женщинами, сбежавшими с детьми от жестоких мужей, находился буквально по соседству, пешком можно дойти. Лабиринт улиц, обрамленных живыми или каменными оградами, выводит в разные города: из Щелкова ты через десять метров попадаешь в Ивантеевку, а повернув в другую сторону, оказываешься в Королеве. Это путает, но забавляет.

Мне нравится бродить там часами, мечтая, как вскоре это место станет для меня средоточием жизни. И добрая собачья энергетика вытеснит все тягостное, что связано с усадьбой моего покойного отца. Но хотя все необходимые разрешения на открытие приюта я получила, он все еще остается прекрасным прожектом, потому что Никите не удастся продать свою квартиру, а других денег на обустройство у нас нет. И не ожидается...

Это препятствие стало полной неожиданностью: никто из нас не сомневался, что квартиры в центре Москвы уходят влет. Никита уверял, будто запросил не самую высокую цену, да мне и самой не хотелось, чтобы он продешевил, – денег от продажи нам должно было хватить надолго. Из этой суммы часть ушла бы на ту мифическую недорогую студию, которую Ивашин хотел купить себе для жизни, ведь каждый день добираться на работу из Подмосковья стало бы мукой мученической – машину-то он не мог водить с одним глазом.

Я тоже не собиралась переселяться в Образцово совсем, хоть мне и нравилось там просто безумно: свежий простор, сплетение двух извилистых рек – Учи и Клязьмы, намоленный

белостенный храм восемнадцатого века с темными, не помпезными куполами, высокое небо, которое прояснялось куда чаще, чем в столице. Там царил удивительный дух русской вольности, давно изжитый в городах, поэтому с тех пор, как я начала писать рассказы, меня тянуло в Образцово все чаще: набродиться по неухоженным растрепанным рошицам, поболтать с утками, больше не улетающими на зиму, позаглядывать в чужие дворики – здесь еще остались старенькие, облупившиеся дома с мезонинами, хранившие чеховские мотивы.

Но расстаться с квартирой, где жили мы с мамой, я была пока не готова...

* * *

Чтобы не спугнуть Сережку, если он и вправду прятался в доме, где убили моих отца и сестру, Артур оставил машину возле храма, и мы отправились пешком. Отцовский коттедж, ауру которого я намеревалась очистить с помощью безгрешных животных, стоял особняком от других домов, поэтому всплески собачьего лая в будущем никого не могли потревожить. Дом был огромным, а территория участка – не меньше гектара, так что Сереге было где укрыться от нас. Но мы надеялись обнаружить его присутствие...

– Ты хочешь силой заставить его свидетельствовать в суде? – спросила я по дороге.

Артур с неожиданной опаской взглянул на темные купола старой церкви:

– Ну что ты! Это противозаконно, между прочим. Буду убеждать.

– Ты уже пытался...

– Нельзя было отпускать его, – посетовал Артур. – Мальчишка остался один и запаниковал. Если бы кто-то из нас был рядом, сейчас не пришлось бы его искать.

– Думаешь, я смогла бы удержать Серегу?

Логов покосился на меня:

– Ты благотворно действуешь на людей.

Это была замаскированная издевка? Или майор юстиции пытался сделать мне комплимент?

За воротами мы разделились: я прокралась в дом, потому что мне до сих пор было страшно бродить у бассейна, в котором нашли два трупа, а Логов отправился исследовать территорию. Встретиться договорились в темной деревянной беседке. Ее центр занимал крепкий круглый стол – на нем мы вчетвером пикничковали осенью.

В пустом громадном доме тоже, если честно, было жутковато. Я прислушалась, замерев у двери, но ни шагов, ни музыки, ни голосов слышно не было. Да и с кем Сереге тут разговаривать? А песни он слушает обычно в наушниках...

«Хорошо бы, – подумала я. – Тогда он точно не услышит меня».

Стараясь шагать бесшумно, я обошла кухню, столовую, обе ванные комнаты, бильярдную и другие помещения первого этажа, заглянула в зимний сад, потом поднялась по лестнице. Плохо было то, что в другом крыле дома была еще одна лестница, и Сережка вполне мог сейчас сбежать по ней. Поэтому на втором этаже я первым делом выглянула в окно большой гостиной с роялем, на котором никто в нашей семье не играл. Это была очередная попытка моего отца пустить пыль в глаза девицам, которых он притаскивал пачками, наплевав на то, что моя старшая сестра Маша жила с ним. Наверное, он рассудил так же, как я: она сделала свой выбор, пусть терпит...

Окно располагалось над входом в дом, но никого не было видно во дворе. Подождав немного, я обошла пустые спальни, точно застывшие от ужаса, и поднялась на третий этаж, где жила Машка. Я пока не решилась стереть их с отцом следы, хоть они оба и предали нас с мамой, и комната сестры оставалась такой же стандартно-гламурной, как при ее жизни. Меня просто тошнить начинало от вида огромной кровати с балдахином, пухлых покрывал и подушек, огромных игрушек без прошлого, гигантской люстры, пушистого коврика... Слава богу,

Машке хватило вкуса оформить спальню не в розовом, а хотя бы оттенками кремового цвета, но как по мне, тут все так и кричало: «У моей хозяйки пустота в голове!»

А ведь моя сестра была далеко не душой... Подозреваю, что таким образом она пыталась угодить отцу, вкус которого оставлял желать лучшего, раз он решил, будто на свете найдется кто-то красивее и достойнее нашей мамы. Представляю, как он взбесился, увидев ее с Артуром... Даже отец, при всей его самовлюбленности, должен был понимать, как ему далеко до такого мужчины...

Мне полегчало, когда я заглянула в библиотеку, где хранились настоящие бумажные книги. Не знаю, кто их мог читать, кроме Машки, которая наверняка таскала толстые тома тайком от отца. Ей страшно не хотелось прослыть «умницей», она хотела считаться красавицей. И стала ею – мы с ней были совсем не похожи...

Сереги в библиотеке не оказалось, и, надо признаться, я очень удивилась бы, застав его здесь. Все говорило о том, что дом вообще пуст, и мне оставалось только спуститься в беседку, где Артур уже ждал меня. Вид у него был довольно унылый, похоже, он пытался примириться с мыслью, что придется отпустить убийцу на свободу.

– Сережкин дед живет недалеко отсюда, но я знаю только название улицы – Ломоносовская, – сказала я, чтобы вывести его из состояния безнадёги. – Это уже Королев.

– А мы где? – удивился он.

– Образцово относится к городскому округу Щелково.

– До Королева же отсюда три метра!

– Ну, это не ко мне... Не я эти владения делила. Пойдем, я тебе кое-что покажу – закачаешься!

Покинув пределы усадьбы, мы прошли уютными улочками, уже знакомыми мне, и вышли к Уче, на берегу которой и был тот участок, который я хотела показать Артуру.

– Видишь, ту каменную ограду? Как на юге, да?

– Это известняк? – удивился он. – Здесь его не встретишь...

– Я не знаю точно.

– Ты этот забор и собиралась мне продемонстрировать?

Я пихнула его в бок:

– Потасила бы я тебя ради такой ерунды. Смотри, дальше ограда кончается, и участок защищен только сеткой. А теперь – та-дам!

Повернув его лицом к зеленым проволочным ячейкам, я театрально взмахнула рукой. У Логова округлились глаза:

– Твою ж... Это череп?!

– Самый настоящий. Как думаешь, лошадиный? Или коровий?

– Без понятия... Убийства животных я никогда не расследовал.

Вытянутый крупный череп был водружен на шест, установленный в центре небольшой лужайки, сейчас заснеженной. Вокруг были в скрытом от нас порядке разложены крупные камни и какие-то мелкие предметы, запорошенные снегом. Все вместе здорово смахивало на площадку для ритуальных убийств, поэтому меня так и поразило это жутковатое место. На Логова оно тоже явно произвело впечатление – он не мог оторвать взгляда от черепа.

Обычно я норовила проскочить этот участок побыстрее, и сейчас мне тоже стало не по себе, так что я потянула Артура за рукав:

– Пойдем, ну их... Кстати, помнишь я тебе говорила о вписке?

Он предсказуемо поморщился. Я махнула рукой в сторону Клязьмы, в которую впадала Уча:

– Она планируется в Загорянке. Этот поселок виден за рекой.

– Я бывал в Загорянке. Там дачи многих известных людей. И с ними периодически что-то случается, – пробормотал Артур, когда мы вышли на берег Клязьмы, и пристально всмотрелся в даль.

Между двумя поселками пролегла снежная целина, сравнивая реку с берегами. По глубокой пелене тянулись только дорожки собачьих следов и виднелись загадочные вмятины: может, крупные птицы садились на снег отдохнуть. Куда и откуда они летели? Я с сожалением подумала, что никогда не узнаю этого, как и множество других вещей, происходящих совсем рядом. Даже где сейчас Сережка Малышенков мне было неизвестно, а ведь мы были старыми друзьями.

Голос Артура вывел меня из оцепенения:

– Поехали?

До улицы Ломоносова мы добрались минут за пять, тут действительно пешком можно было дойти. Артур уже успел послать запрос в Комитет, и Овчинников искал адрес старика Малышенкова, если только это был дед Сережки по отцовской линии... Но пока оперативник не перезвонил, мы отправились бродить среди высоченных старых елей, с ветвей которых красиво свешивалась зеленая бахрома, и сосен, устремленных к небу. Мне захотелось сфотографировать эти сказочные деревья, и мы остановились возле одного из домов.

Проходивший мимо старичок в ушанке и зипунчике, высоких светлых валенках и полинялых трениках, остановился, поравнявшись с нами, улыбнулся беззубым ртом:

– Здесь года два жил дятел... Здоровый такой! В красной «шапочке». Я посмотрел по каталогу – это желна. Красавец! Все приходили его фотографировать... А в этом году его не видно. Исчез. Наверное, переселился куда-то...

Думать о худшем ему явно не хотелось.

– Жалко, – откликнулась я.

– А что вы снимаете? – спросил он с живым интересом. Голос у него был тонкий и веселый.

Я слегка смутилась:

– Да так... Деревья. Небо.

– Небо. – Он улыбнулся. – Оно того стоит. Ну, всего доброго!

И быстро пошел дальше – бодрый деревенский дедочек. Артур крикнул уже ему в спину:

– Здоровья вам!

Он на ходу поднял руку, благодаря и прощаясь.

Из калитки соседнего дома вышла наблюдавшая за нами старушка в кокетливой меховой шляпке. Разглядев Артура, она просияла – это была обычная женская реакция на него. Но ее слова меня поразили.

– Молодые люди, а вы знаете, с кем только что разговаривали? – спросила она, не отрывая взгляда от лица Логова.

Меня никто не замечал, когда он находился рядом...

Артур щедро улыбнулся ей в ответ – ему было не жаль дарить людям свою красоту:

– С хорошим человеком?

– Боже, вы не узнали его! Это же последний оставшийся в живых из первого отряда космонавтов... Того, королевского.

– В котором был Гагарин? – не поверила я.

Она взглянула на меня вскользь и снова уставилась на Артура:

– Именно. Это же Борис Валентинович Волинов. Собственной персоной.

– Волинов?! – Артур чуть не подпрыгнул, честное слово. – Это он? Нет, серьезно? Я же читал о его полете... Вообще-то их два было, но первый стал просто его личным Апокалипсисом.

Было неловко, что я даже не помню фамилии такого космонавта. Уж кого-кого, а этих людей надо знать! Не заметив моего смущения, Логов начал взхлеб, точно мальчишка, рассказывать, как в шестьдесят девятом году, когда Волинов после полета возвращался на Землю, технику внезапно заклинило и приборный отсек не отделился от спускаемого аппарата.

– Поэтому спуск был не скользящий, как всегда, а баллистический, с перегрузками втрое выше обычных. Потом еще теплозащита была нарушена, корабль начало крутить, а бедного Волинова не вжимало в ложемент, а тянуло на ремнях.

Было жутковато даже слушать о том, как космический корабль загорелся в атмосфере. Стropы парашюта закрутились из-за того, что спускаемый аппарат вращался, а купол не схлопнулся, поэтому Волинов опускался со скоростью, которая была значительно выше положенной.

Неудивительно, что космонавт здорово травмировался при приземлении, сломал даже корни зубов верхней челюсти. Слава богу, жив остался! И до сих пор бегают – беззубый, но полный жизни. Сколько ему уже? Под девяносто?

– Живая история стояла рядом с нами и рассказывала про дятла, – пробормотал Артур потрясенно, когда старушка направилась в сторону госпиталя Мандрыки, находившегося на соседней улице.

Я чувствовала, как ему хочется броситься за космонавтом вдогонку, расспросить о подробностях, которые мог знать только старик, сказать какие-то важные слова... Но мне стало понятно и другое: Артур Логов, этот сильный мужчина с пистолетом, этот невероятный красавец, смутился, как прыщавый подросток. В его полном отчаяния взгляде прочитывалось: «Кто я такой, чтобы тревожить этого великого человека?»

Черт, это было до того мило и трогательно, я едва удержалась, чтобы не обнять его... Но в этот момент проснулся его телефон и голосом Овчинникова сообщил, что никакой Малышенок на улице Ломоносова в Королеве не проживает. По крайней мере, не прописан.

Пока они разговаривали, я не могла оторвать взгляда от неба, которое здесь было фантастическим: в высокой нежной синеве переплетались пушистые, точно взбитые дорожки, оставленные самолетами, пролетевшими так давно, что следы стали широкими и пухлыми. А вдали солнечными росчерками светились свеженькие, вонзавшиеся в ленивые облака. На такое небо можно было смотреть бесконечно, но Артур уже убрал телефон.

– Может, это отец его матери? – пробормотала я, продолжая впитывать глазами небесное величие. – Тогда у него другая фамилия...

– Которая нам неизвестна.

Артур подвел черту не только этой фразой, но и пробороздив ботинком по снегу. Похоже, тут никто не чистил дороги... Вздыхнув, он поманил меня кивком:

– Ладно, поехали. Раскопаю я его фамилию... Что ты там увидела? – Он запрокинул голову.

– Просто небо, – сказала я.

Он повторил с неожиданной печалью:

– Просто небо. Мы так редко замечаем его...

Чтобы Логов совсем не раскис, я взяла его под руку и потянула к машине:

– У нас еще будет время полюбоваться.

– Ты считаешь? – В его голосе слышалось сомнение. – А если вся жизнь так и пройдет в суете? Главное остается вне поля зрения.

– Главное для тебя – твоя борьба со злом. – Я постаралась, чтобы это прозвучало не слишком пафосно.

Но Артур вдруг встал как вкопанный и уставился на меня, точно я брякнула какую-то несусветную глупость или, того хуже, оскорбила его. Пришлось выпустить его руку...

– В последнее время я все чаще думаю о том, как относительно понятие зла, – неожиданно признался он. – Убийца может одновременно быть и спасителем. К примеру, мать, защищающая своего ребенка. Если она снесла башку насильнику, в глазах Бога эта женщина – зло?

– Это же самозащита...

– Это превышение пределов допустимой обороны. Если адвокат у нее будет так себе, то она сядет. Но я не об этом сейчас, меня больше волнует Высший суд.

– С чего вдруг? – вырвалось у меня.

Его взгляд просто оледенел. И Артур произнес уже совсем другим тоном:

– Потребуется время, чтобы установить девичью фамилию матери Сергея и попытаться найти старика. Если отыщу, вернусь сюда завтра.

– Я с тобой.

Мне показалось, будто он поморщился:

– Это не обязательно.

И быстро направился к машине, вынудив меня почти бежать за ним. Я выкрикнула на ходу:

– Тебе осточертело мое общество?

– Не болтай глупости, – буркнул он, не оборачиваясь.

– Тогда почему ты не хочешь взять меня с собой?

Логов остановился так резко, что я ткнулась ему в спину.

– Ты сама сегодня твердишь целый день, что у тебя должна быть своя жизнь. Что тебе надоело общаться с таким стариком, как я...

– Ну заплачь еще! – возмутилась я и забежала вперед, чтобы видеть его глаза. – Ну ты что? Я же пошутила.

– Но в каждой шутке... Саш, ты права, я все понимаю, – заговорил он уже мягче, но глаза у него оставались такими же несчастными. – Тебе веселее с такими, как... Никита. Тебе хочется сходить на вечеринку. На эту... Как ее?

– Вписку...

– Какой идиот придумал такое название?!

– Не я. Имеется в виду, что там собираются те, кто списывается в ВК. Я же говорила, в реале никто из этих ребят не встречался, это впервые. А может, и никогда больше.

Артур слушал меня внимательно, но явно не понимал:

– Зачем? Какая радость провести вечер в кругу совершенно незнакомых пьяных подростков?

– Почему пьяных? – попыталась поспорить я, хотя и сама почти не сомневалась в этом.

И Артур понял, даже доказывать ничего не стал, молча сел в машину и подождал, пока я займу свое обычное место рядом с ним. Мне хотелось, чтобы он увидел все моими глазами.

– Понимаешь, это как в поезде... Ты едешь с человеком в одном купе, видишь его в первый и в последний раз, но он рассказывает тебе всю историю своей жизни. А ты ему... Зачем? Да просто чтобы самому проговорить ее, услышать как бы со стороны. Не тростнику же свои секреты доверять!

Он взглянул на меня вопросительно, и я торопливо пояснила:

– Это из древнегреческого мифа: у царя Мидаса выросли ослиные уши, но знал об этом только его брадобрей. Ему невольно стало хранить эту тайну, он должен был поделиться хоть с кем-то и однажды убежал к реке, вырыл ямку, шепнул свой секрет и закопал его.

– Но...

– Но на этом месте вырос тростник, в шелесте которого все слышали: «У царя Мидаса ослиные уши!»

– Я слышал эту легенду, – вспомнил Артур. – Только ты сама себе противоречишь... Каков ее смысл? Тайное всегда становится явным, правильно? А ты собираешься откровенничать с незнакомыми укурками, чтобы они потом разнесли всему свету?

– У меня нет таких тайн, которые надо хранить на конце иглы, – побурчала я, решив, что уж сказку о Кощее он и сам вспомнит.

– Иногда мы просто не понимаем, что именно может быть использовано против нас...

– Черт, Артур! Я не пью, не колюсь. У меня даже парня нет! Что такого страшного о себе я могу разболтать?!

Мы все еще не тронулись с места. Положив руки на руль, Артур уткнулся в них подбородком и смотрел в забрызганное лобовое стекло. Потом повернулся ко мне, и взгляд его налился печалью.

– А тебе хочется, чтобы появился парень? Никиту я одобрил бы...

Я фыркнула, но вышло это слишком нарочито:

– Думаешь, мне необходимо твое одобрение?

– Думаю, да, – отозвался Логов спокойно. – Как и мне твое. А что в этом ненормального?

* * *

Так глупо он себя вел... Так глупо!

Долго потом не мог успокоиться, пытался мысленно оправдаться перед Сашкой, заверить, что не собирается давить на нее и учить жизни. Девочка-то не глупая, и гнильцы, толкающей к порокам, в ней нет совершенно. Чего же тогда он так панически боится?

Пытаясь отвлечься от стыда, заставлявшего внутренне корчиться, Артур прошарил все возможные базы и нашел-таки девичью фамилию Сережиной матери – Осьминкина. И среди жителей улицы Ломоносова обнаружился Осьминкин Виталий Степанович. Похоже, вчера они с Сашкой как раз до его дома и дошли... Чего стоило заглянуть?

Крутя в пальцах бумажный квадратик, на котором записал адрес, Логов никак не мог решиться – вытащить с собой Сашку в Королев или не трогать? С вечера она так разозлилась, что запретила ему будить ее утром. Впервые за все эти месяцы Артур позавтракал в кафе, а не у нее на кухне. Омлет показался холодным и невкусным... Если и к Осьминкину он наведается без нее, Сашка будет ненавидеть его еще неделю.

Вздыхнув, Артур набрал ее номер. Сашка ответила так быстро, точно сидела с телефоном в руке...

– Привет! – У него вдруг сорвался голос и пришлось откашляться. – Извини... Ты проснулась? Готова опять наведаться в космическую столицу России? Я нашел адрес Серегиного деда.

– Уже одеваюсь! – выпалила Сашка.

– Спускайся через пятнадцать минут.

Отбив звонок, Логов улыбнулся с облегчением. И обреченно подумал: похоже, он готов простить этой девочке все что угодно, ведь у него никого больше нет в целом мире. Артуру не хотелось анализировать: относится он к Сашке как к дочери или как к младшей сестре... Это не имело значения. Они стали родными людьми, сросшимися до того крепко – на живую не разорвать. Мысль о том, что этого могло и не произойти, останься Оксана жива, была неприятна ему. Никто не мог знать, какой сложилась бы жизнь, поверни она в другое русло. Он хотел бы оказаться именно там, в ту воду было уже не войти...

Сашка уже ждала у подъезда. Издали она казалась школьницей средних классов, в его детстве такие девчонки зимой еще катались с ледяных горок. Ее большущие голубые глаза так просияли, когда она увидела его машину, что Артур заметил это издали и улыбнулся через стекло.

Юркнув на переднее сиденье, Сашка взглянула на него виновато:

– Привет! Где ты завтракал сегодня?

– На помойке, – заскулил он. – Добрые люди выбросили картофельные очистки, и я набил ими брюхо... А попил, растопив в ладонях снег.

Она фыркнула с видимым облегчением:

– Ну тебя! Заедем потом в какую-нибудь забегаловку? Я только кофе выпила с шоколадкой.

– С твоей комплекцией тебе этого должно хватить на неделю...

– Ага! Ты же знаешь, какая я – прорва ненасытная.

Через минуту сошло и остаточное напряжение, и Артур всю дорогу до Королева рассказывал, как встретился однажды с другим великим космонавтом – Алексеем Леоновым. Правда, повод был совершенно земным, связанным с деятельностью одного банка, но Логов не утерпел, начал расспрашивать, когда выдалась минутка. Усталый, уже выглядевший нездоровым, Алексей Архипович оживился, заговорив о Гагарине, и Артуру стало тепло от ощущения, что дружба этих мужественных людей оказалась сильнее смерти.

– Теперь я понимаю, что в этом нет ничего невероятного, – сказал он Сашке, поглядев на ракету, устремившуюся к небу на въезде в Королев. – От того, что человек умирает, ничего не меняется. Ведь сам-то ты жив... И чувства твои живы, потому что остаются воспоминания. А в них ничего не изменилось.

– Ты говоришь о маме?

Артур удивился:

– А о ком же еще?

– Слушай, я давно собиралась тебе сказать... Ты не должен хоронить себя вместе с ней.

Ему захотелось резко вжать педаль тормоза, чтобы хорошенько встряхнуть Сашку. Что такое она болтает?!

– Я и не хороню, – отозвался он сдержанно. – С чего ты взяла? Я живу полной жизнью.

– Ты называешь ее полной? – хмыкнула она.

– А что не так с моей жизнью?

– В ней нет любви, – произнесла она так печально, что у Артура сжалось сердце.

Преодолевая боль, он покачал головой:

– Неправда. Я вот тебя люблю, к примеру.

– Это не то. Мы с тобой как... родственники. А я говорю о любви мужчины и женщины. Тебе нужна такая любовь.

– Зачем? Мне и так хорошо. Правда, Сашка! Я не испытываю ни малейшего желания открывать сердце кому-то... другому. Не говорю, что это навсегда. Может быть, когда-нибудь...

Она произнесла, глядя на свои маленькие ручки, стиснутые на коленях:

– Я видела, как ты плакал...

– Когда? – спросил он отрывисто.

– Еще осенью. Когда мы расследовали то дело, связанное с психушкой, помнишь?

Быстро взглянув на него, Саша отвернулась к окну:

– Ты все вспомнил.

– Было дело, – подтвердил Артур нехотя. – И что из этого следует? Именно то, что я не готов... ни к чему новому. Да я даже говорить об этом не хочу! Отстань от меня.

Кажется, она не обиделась:

– Ладно... Смотри, это же памятник Сергею Павловичу Королеву?

Навстречу им по высокому гранитному постаменту шагал крепкий человек в распахнутом пальто. Лобастая голова его была упрямо склонена, точно Главный конструктор до сих пор

продолжал сражаться с дураками и сейчас как раз шел на битву. Внизу у памятника стояли корзины с живыми цветами.

– Вот с кем я хотел бы встретиться, – мечтательно произнес Артур.

Покосившись, Саша произнесла с сомнением:

– Без обид, но я не думаю, что Королев стал бы по доброй воле разговаривать со следователем... После того как энкавэдэшники сломали ему челюсть? Сильно сомневаюсь.

– Я тоже, – признался Логов, помолчав. – Но если хочешь знать, я ни одного заключенного пальцем не тронул.

У нее заблестели глаза:

– А хотелось?

– Еще как... И не раз. Я же только тяжкие расследую, мне сплошняком уроды попадаются. Вот хоть этот Матрос... Его же отпустить придется, если твой дружок на дно заляжет. А мы точно знаем, что он забил до смерти двух парней.

– Хорошо, что ты не добавил: ни в чем не повинных...

Артур бросил на нее цепкий взгляд:

– А у тебя есть сомнения?

– На днях в Подмоскovie магазин ограбили. Ну ты же слышал, наверное?

Он кивнул:

– Двое таджиков забили обухами кассиршу... Слышал, конечно. Но это же не делает убийцами всех таджиков, правда? Как существование Матроса не делает скинхедами всех русских...

– Конечно. Я просто хотела сказать: может, у Матроса была причина? Не просто расовая ненависть...

– Я разберусь, – пообещал Артур. – Ты же знаешь: я буду копать, пока есть хоть малейшее сомнение в том, что человек виновен.

– Я знаю.

– Твоя вера в меня точно капля радуги. Мне стало легче дышать.

Сашка покосилась на него с подозрением:

– Издеваешься?

– Ничуть. Для меня это чертовски важно. Правда. – И внезапно переключился: – Если ты умираешь с голода, мы можем остановиться прямо сейчас.

– Еще чего! Сначала выцепим этого придурка. Ты прикуешь его к себе наручником?

– Я обмотаю его скотчем и засуну в багажник, – пообещал Артур зловеще.

Но делать этого не пришлось.

* * *

Этим утром мы не встретили космического старичка, ставшего местной легендой. Если честно, я до сих пор сомневалась в том, что это настоящий космонавт... Может, та старушка в кокетливой шляпке просто дурачила нас? На фотографиях, которые выдал мне Гугл, Борис Волинов был молодым и красивым, я никак не могла уловить – есть ли у деда в светлых валенках сходство с этим космонавтом? Но Артуру так хотелось верить, что вчерашняя встреча была одним из лучших эпизодов последнего времени, я даже не решилась поделиться с ним своими сомнениями.

В любом случае я была рада, что старичок не попался нам снова и Логов не впился в него. Все же сейчас мы разыскивали совсем другого деда... Сейчас Артур точно знал номер дома, и мы прямиком двинулись туда, оставив машину на прежнем месте.

Сегодня небо затянуло тяжелыми темными тучами, едва не касавшимися верхушек елей. От этого гнетущее предчувствие усиливалось с каждым шагом – на меня вообще всегда плохо

действует пасмурная погода, поэтому триста дней в году мне не по себе, ведь в Москву редко заглядывает солнце.

Но мы с мальчишками уже убедились: когда на москвичей давит свинцовое небо, в селе Образцово веселятся в синеве перистые облачка. Только ради этого стоило поселиться в будущем приюте вместе с собаками! Правда, тогда Артур уже не сможет заезжать ко мне на завтрак с теплыми круассанами... Я взглянула на него сбоку: мне будет очень не хватать наших трапез? И вообще его... Но не успела ответить себе, потому что Артур замер, как гончая, глазами увидевшая добычу, которую преследовала по запаху.

– Этот дом.

Скорее, его можно было назвать домиком – таких на этой дорогой улице и не осталось больше. Просевшее в землю одноэтажное строение с серой шиферной крышей и крошечным деревянным мезонином. Но я обожала такие завалюшки, а еще больше – жутковатые руины, которые мне непременно нужно было облазить и сфотографировать. Только в этом месте никаких разрушенных домов быть не могло. Из бедняков здесь жил только Сережкин дед...

– Обойди дом, на случай если твой дружок решит удрать через окно, – велел мне Логов.

– Думаешь, я смогу его поймать? – усомнилась я.

Он хмыкнул:

– Это называется задержанием. Цепляйся за него и вопи во всю мочь. Я окажусь рядом в три прыжка и перехвачу нашего шустрика.

Лучше бы на моем месте был Поливец или хотя бы Овчинников – он жилистый, хоть и выглядит худосочным... Мне до ужаса не хотелось подвести Артура, но не мог же он разделиться и быть одновременно за домом и у входной двери.

– Бегом, – скомандовал он, и мы помчались от калитки к дому.

Если Сережка заметит нас из окна, у него должно быть минимум времени, чтобы организовать побег...

Не останавливаясь, я оббежала дом и прижалась к стене, чтобы не попасть в поле его зрения. Услышу, как открывается окно, тогда и брошусь под ноги, как маленький злобный терьер. Я осмотрелась – ледяные прожилки мрачно поблескивали под ногами... Если Сережка поскользнется, может, мне удастся повалить его на снег?

Только представив это, я сморщилась от отвращения к себе. Seriously? Я собираюсь подставить подножку старому другу? И попыталась оправдаться: Артур тоже мой друг, и сейчас я должна быть на его стороне. А вреда Сережке я не причиню, падение просто задержит его. Мы ведь за этим приехали?

Но тут донесся оклик Артура:

– Саша! Иди сюда.

У меня подскочило сердце, хотя голос показался мне даже веселым... Могло быть такое? На углу дома нога у меня прокатилась по застывшему подтеку, и я сама чуть не рухнула – а не желай другому зла! Когда я наконец добралась до крыльца, то чуть не упала уже от удивления: Артур с Сережкой мирно беседовали, стоя возле ступеней.

– Попался! – выкрикнула я, только заведя его.

Они оба посмотрели на меня, как на местную дурочку, потом Логов спокойно сообщил:

– Сергей едет с нами. Все хорошо.

– Какого черта ты сбежал?!

– Саша, остынь.

Артур отодвинул меня, почуяв, что я готова впиться Сережке в горло: этот придурок заставил нас гоняться за ним по разным городам! Да еще и смел улыбаться, глядя на меня!

– Я проверил: легко ли меня найти тут? – пояснил Малышенков, невинно хлопая пушистыми ресничками. – Вы нашли. У этих парней, конечно, нет такого доступа ко всяким базам, но и они могут меня здесь разыскать. Вычислить адрес деда... Не хочу подставлять его.

– Обалдеть! Он проверил! – Я так и задохнулась.

– Я позвонил бы, чего ты?

Артур вовремя вытянул руку, иначе я ударила бы Сережке прямым в солнечное сплетение, чтоб задохнулся и скорчился от боли на моих глазах. Но я уткнулась в железный локоть Логова и только беспомощно рубанула воздух кулаком. Это наверняка выглядело уморительно, только, к счастью, никто не рассмеялся. И мне тоже не хотелось выглядеть смешной, поэтому я не стала рваться к нему снова.

Артур посмотрел на меня одобрительно, и взгляд его не изменился, когда он перевел его на Серегу, но все же в дом вошел вместе с ним:

– Одевайся.

... Через четверть часа мы уже ехали к Москве. Сережка ерзал на заднем сиденье, и мне хотелось заткнуть уши, чтобы вообще забыть о нем. Я чувствовала себя так, будто он прилюдно плюнул мне в лицо и заявил, будто это был эксперимент: стерплю я или нет? Лучше б Артур не останавливал меня... Двинув ему под дых, я успокоилась бы скорее, а сейчас от злости у меня закладывало уши и темнело в глазах. Живой бы доехать...

Я заметила, что Артур заблокировал двери, как только мы сели в машину, значит, тоже не доверял ему до конца. Это, конечно, порадовало, но лучше б он еще и кляп ему в рот воткнул, потому что Малышенков не мог сидеть молча.

– За что ты хотела меня ударить? – донесся сзади его голос, когда мы выехали на Ярославку.

– Саша...

Артур бросил на меня взгляд, который перекрыл поток ругательств, вскипевший у меня на языке. Они кололись, точно я пожевала листок крапивы, и нужно было отплеваться словами, чтобы очистить рот, но при Логове я не могла себе этого позволить. Может, нам с Малышенковым выпадет удача остаться с глазу на глаз? Тогда поток грязной пены и обольет его с ног до головы...

А пока я ответила довольно спокойно (как мне показалось!):

– Я думала, тебе стало страшно давать показания, и ты сбежал. Это было бы объяснимо. Стремно, но я хотя бы поняла тебя... Я даже посочувствовала бы тебе. Постаралась помочь. Но ты, как последнее дерьмо, решил провести какой-то дикий эксперимент! И тебе было плевать, что чувствуют твои друзья. Не только я. Никита...

– Никита! – эхом откликнулось сзади.

Этот упырь только сейчас вспомнил о том, кто дал ему крышу над головой и заботился все это время. А Никитка там с ума сходит...

– Посади его лет на десять, – взмолилась я, заглядывая Артуру в лицо. – Пусть его там затрахают до смерти!

– Успокойся, бога ради, – процедил Логов сквозь зубы.

– Как я могу успокоиться, пока эта бессердечная скотина рядом?!

– Ты сама не желаешь ему зла...

– Еще как желаю! Он показал свое истинное лицо. Свою мерзкую харю!

– Саша...

Как только у меня зубы не раскрошились? Я стиснула челюсти изо всей силы и уткнулась в телефон. Написала Никите, что Малышенков нашелся, но это оказался совсем не тот человек, которого мы искали. Ивашин, разумеется, не сразу понял, о чем я... Но расшифровывать я не стала, отделалась коротким: «Он нам не друг». Больше Никита вопросов не задавал. Наверное, решил дожидаться нашего приезда и тогда уже разобраться во всем.

– Ладно, сходи уже на эту свою вписку, – неожиданно произнес Артур, не глядя на меня. – Может, хоть успокоишься... Только Никиту возьми с собой.

Хоть я и твердила, что мне не требуется разрешение Логова, но обрадовалась, как ребенок. Правда, вида не подала (как мне показалось!) и только пробурчала:

– Если я приду с ним, то ни с кем не познакомлюсь.

– Ты идешь туда подцепить кого-то? – удивился он.

– А зачем еще ходят на тусовки?

Артур вдруг рассмеялся:

– Я уже не помню!

И мне внезапно стало легче от его смеха.

Уловив это, Артур принялся весело рассказывать, как на этом самом месте на Ярославке его из среднего ряда выцепил гаишник, который бросился к его «Ауди» прямо сквозь поток машин.

– Как этот черт угадал, что у меня как раз накануне закончилась страховка?! Мы с ним договорились, конечно, все же почти коллеги... Но сам факт! Видимо, когда нам надевают погоны, одновременно незаметно делают секретную инъекцию, и у нас просто непомерно развивается интуиция...

– А у вас есть погоны? – подал голос Малышенков.

Мне тут же захотелось швырнуть через плечо что-нибудь тяжелое. Но Артур отозвался самым невозмутимым голосом:

– Конечно. Я же майор юстиции.

Мне вспомнилось, как я поддразнивала его, пока Логова не повысили в звании: «О капитан мой, капитан!» В тот год мама впервые дала мне почитать Уитмена, и он заворожил меня... Все любимые книги я получила из ее рук.

– Твоя мама знала, что ты прятался у деда? – спросила я, не оборачиваясь.

Надо отдать ему должное, Малышенков сразу сообразил, что я обращаюсь к нему, и ответил, не дурачась. Видно, решил: не стоит будить во мне зверя...

– Нет, я ей вообще ничего не говорил. Лучше маме не знать обо всей этой фигне, правда же?

Меня так и прошило раскаленным стержнем: он сейчас просил Артура не сообщать его матери о том, что ее сын выступит в суде и пойдет по программе защиты свидетелей? То есть этому ублюдку даже в голову не приходило позаботиться о ее безопасности? Ведь первым делом скинхеды отправятся к нему домой, если, конечно, вообще станут мстить за Матроса... Малышенков действительно не понимает этого?! Или ему плевать даже на свою мать?

– Поговорим об этом позднее, – холодно отозвался Артур, с легкостью считав мои мысли.

Зато Малышенков ничего не понял. Кажется, все происходящее его даже забавляло. Наклонившись между сиденьями – меня сразу вжало в дверцу! – он заглянул Артуру в лицо:

– То есть вы прям сразу почуяли, что я здесь отсиживаюсь? По следу пришли?

– От тебя вонь даже в Москве чувствовалась, – не удержалась я. – Дерьмо ты собачье! Хотя нет, зачем я собак обижаю... Даже их дерьмо лучше тебя. Оно никого не сводит с ума.

– Ты так за меня волновалась? – вдруг тихо спросил он.

И резко откинулся на спинку, иначе получил бы в нос. Артур метнул в меня взгляд, полный ярости:

– Я сейчас обоих высажу и пешком пойдете!

– Меня не высадите, – хмыкнул Малышенков. – Я вам нужен.

Если б Артур сейчас вытащил пистолет и пристрелил этого мерзавчика, любой суд оправдал бы его...

– А вдруг вы меня не нашли бы? – не унимался Малышенков. – Тогда что? Отпустили бы Матроса?

Логов бесстрастно возразил:

– Нет, конечно.

– Но у вас же нет никаких доказательств!

– А он знает об этом? Нет. Я начал бы блефовать... Сказал бы, что его преступление снял тихий маленький дрон, которого никто из вас в запале не заметил. И на суде будут представлены записи.

– Вы так работаете?!

– Только когда свидетель сбегает, наложив в штаны...

Я не смотрела на Серегу, но почувствовала, что он так и взвился:

– Я же сказал! Я не сбежал, а...

– Это ты бабушке своей расскажешь, – оборвал его Логов так грубо, что даже я удивилась. – Эксперимент он проводил... Ты решил, что я поверил в такую чушь? Хрена лысого!

Мои мысли так и заметались: что он такое сейчас делает? Это давление на свидетеля? Запугивание? Я ни разу не слышала, чтобы Артур с кем-нибудь так разговаривал... Он решил сломать Малышенкова, чтобы тот понял, кого нужно бояться по-настоящему? Но Логов же сам говорил мне: запугать человека – это самый простой, но и самый недостойный способ перетянуть его на свою сторону. Конечно, мой бывший друг сам повел себя, как полная скотина, но это же не повод поступаться принципами... Меньше всего мне хотелось, чтобы Артур предавал сам себя ради того, чтобы взять Малышенкова на короткий поводок.

Но тут сзади донесся потускневший голос:

– Вы сразу поняли? А на фига тогда...

– Подыгрывал тебе? – живо подхватил Артур. – Ну, было забавно понаблюдать, как цыпленок выпячивает грудку и силится выдать себя за орла...

Я уставилась на него, разве что челюсть не отвесив. Он серьезно? То есть я одна ни черта не поняла в этой двойной игре? А еще считала себя достойным напарником Логова...

В голове взорвался раскаленный сгусток стыда, и даже уши мгновенно сделались горячими. Я нападала на перепуганного мальчишку ни за что... Он и вправду бросился бежать, как заяц, лишь бы спасти свою серенькую шкурку, а я поверила, будто Сережка способен на адскую хитрость. Эксперимент... Да я в своем уме?! У него и в школе-то ни один эксперимент не получился бы, если б я не помогала ему. С мозгами у него всегда было не особо, мне ли этого не знать! Но почему же Логов догадался, что Серега просто стесняется признаться в своей трусости, а я – нет?

На меня Артур не смотрел, и это было великодушно с его стороны. Меньше всего ему хотелось добиться интеллектуального превосходства надо мной, в этом я не сомневалась. И он был зол на Серегу за то, что по его вине я оказалась в глупом положении, – этим и объяснялась его непривычная грубость.

– Вот еще, – пробормотал Сережка.

Прижавшись к стеклу головой, я закрыла глаза. Но мой внутренний тихий маленький дрон кружил по салону машины, и я отчетливо видела лицо Артура – сосредоточенное, усталое, красивое... И я снова, уже не помню, в который раз, подумала, как же мне повезло, что в моей жизни есть такой человек. Кто помог бы мне выжить, если б не он?

* * *

В Сашкином сообщении было написано невероятное: «Пойдешь со мной на вписку?»

Никите пришлось перечитать эту простую фразу несколько раз, чтобы поверить: она зовет его с собой. На мгновение он даже позволил себе допустить, будто мечта сбылась... Единственная мечта.

Но уже в следующую минуту Ивашин сообразил, что должен благодарить за это Артура: наверняка это он запретил Сашке отправляться на вечеринку одной. Сам Логов, понятное дело,

не мог заявиться на подростковую тусовку, а Никиту еще вполне можно было выдать за студента – всего полгода назад диплом получил!

И хотя радость перестала фонтанировать, он все же улыбался во весь рот, даже в допросной комнате, пока Малышенков давал показания. Потом получил пинок от Логова под столом и опомнился...

– Тебе дали звание полковника? – процедил он, когда они вышли в коридор.

Никита с виноватым видом мотнул головой:

– Нет, конечно. Извините. Это... личное.

– Дай угадаю. – Логов прищурился. – Одна юная полутораметровая блондинка с огромными голубыми глазами и личиком невинной феечки оказала тебе честь и предложила сопровождать ее на гнусную оргию?

Никита вяло кивнул:

– Ну да. Именно так. От вас, Артур Александрович, ничего не скроешь...

– Даже не пытайся. Поезжай с ней. Если там что-то случится, тут же вызывай меня, понял?

– Думаете, там может что-то случиться?

– В толпе обдолбанных подростков? Сто процентов. В общем, звони, я все разрулю.

«Что я сам смогу это сделать, он даже не рассчитывает». – Никита сдвинул брови, но Логов уже ласково улыбнулся:

– Кофейку? Мы славно поработали!

Черный кофе оказался слишком горячим. Или все чувства внезапно обострились? Если Сашка случайно коснется его руки, у него, наверное, кровь брызнет из носа. На вписке это, конечно, никого не поразит, все решат, что парень перебрал «кокса», обычное дело... Но наверняка сама Сашка заподозрит неладное, знает же его как облупленного.

– Откуда взялось выражение «знать как облупленного»? – спросил он вслух, когда они уже ехали в такси по адресу, где намечалась вечеринка.

Сашка удивленно моргнула:

– Где-то я читала, что это связано с очисткой яиц... Раньше так говорили: облупить скорлупу. Яйцо остается голеньким и беззащитным. Без прикрас. Это и имеется в виду, когда используют это выражение.

Никита кивнул. А потом спросил себя: «В ее глазах я именно такой – голенький и беззащитный? Она все про меня понимает? Что я люблю ее... И как я чуть не вышагнул из окна? Нет, этого даже она знать не может. Вообще никто».

Ему вдруг вспомнилось, как однажды чуть не признался в этом Сереге после пары бутылок пива, которые они замахнули в пустующем доме Сашкиного отца, уже составив план действий по созданию собачьего приюта. Теперь Никита был рад, что не разболтал главного о себе, ведь было совершенно неясно, как им общаться после того, как Малышенков стал официальным свидетелем по делу. Надо было спросить у Логова, но Никите не хотелось показаться ему некомпетентным, а было ли нечто подобное в институтской программе, вспомнить не удавалось. Он решил, что просто прогуглит на худой конец...

После допроса Артур отвез Малышенкова к матери. Пока опасаться было нечего, до суда никто не мог разнюхать, что Сережка дал показания. И все же на всякий случай Логов велел им никому дверь не открывать и на звонки не отвечать.

По дороге на вписку в Загорянке Сашка повернулась к Никите и поглядела испытующе:

– Тебе нравится так жить?

– Как? – спросил он осторожно.

Вполне могло оказаться, что они думают о разных вещах.

– Ходить по краю. Никогда не расслабляться. Контролировать каждое свое слово, каждый шаг.

Подумав, Ивашин кивнул:

– Кажется, да. Нравится. Я всегда был... Дед называл меня балаболом. А теперь я как бы собрался весь. И это хорошо. Как мне кажется...

– А я как-то подустала от этого...

Ее голос прозвучал до того жалобно, что у Никиты сжалось сердце. Если бы можно было обнять Сашку, прижать ее к себе, побаюкать, успокоить... Но ведь она оттолкнет его. Наверняка оттолкнет.

– Ты и не обязана в этом участвовать, – напомнил он и улыбнулся, чтобы это не прозвучало резко. Он бросил взгляд на таксиста, на удивление светлолицего, теперь такие редко встречаются. – Я имею в виду: в нашей работе.

– Да я понимаю. – Саша вздохнула. – Меня и затащило вроде... И напрягает. Хотя без этого, что такое моя жизнь? Сплошная пустота.

Никита понизил голос:

– Ты же пишешь...

Она тоже перешла на шепот:

– Да не такой уж это и секрет. Пишу, да. Но я не уверена, понимаешь...

– В том, что хорошо получается? Я же читал! Мне нравится. Очень!

– Ну, если тебе нравится. – Ее глаза насмешливо заблестели.

«Дурак!» – ругнул себя Никита. И пробормотал:

– Я не знаток, ясное дело...

– А мне знаток и не нужен. – Сашка больше не улыбалась, и ему показалось, что она говорит всерьез. – Писателю нужен читатель. Я, конечно, еще не настоящий писатель...

Ивашин оживился:

– Зато я – настоящий читатель. Да ладно тебе! Я правда очень люблю книги. Хотя больше аудио слушаю.

Почему – ей не нужно было объяснять. Она поняливо кивнула:

– Знаешь, мне кажется, сейчас это самое главное для меня – найти своего читателя.

– Считай, ты его уже нашла, – проговорил он, постаравшись, чтобы прозвучало это проникновенно.

Сашка не рассмеялась. Но значения ее взгляда он в тот момент не понял...

* * *

Стало ясно, что я совершила ошибку, как только мы шагнули за порог. Мне-то казалось: не знакомые друг с другом ребята будут поначалу стесняться, и мы все поиграем во что-то, попытаюсь познакомиться поближе, освоиться... Но, похоже, все уже успели преодолеть неловкость до нашего приезда. От смеси алкоголя и какой-то дури воздух показался густым и липким, у меня даже нос заложило, как весной во время цветения. И я пожалела, что отправила Никиту домой на том самом такси, которое доставило нас сюда.

Он этого, конечно, не ожидал... Особенно после того, как объявил себя моим самым преданным читателем, и меня это тронуло, конечно. Но я не планировала впервые за долгое время участвовать в вечеринке и торчать всю ночь рядом с Ивашиным. А флиртовать с кем-то у него на глазах было бы верхом жестокости, я ведь догадывалась, как он ко мне относится, и не собиралась унижать своего друга. То, что Никите меньше всего хотелось оставаться моим другом, это, как говорится, его проблемы...

Хотя его здорово обидело и то, как откровенно я «скинула его с хвоста», как иногда говорил Артур. Может, в дни их с мамой юности такое выражение было в ходу?

Мне понравилось, что Никита не стал прятаться за его спину и напоминать мне, кто командировал его со мной на вписку. Дух Логова и так постоянно витал возле нас... Но «оду-

ванчик», столь неуместный среди подмосковных сугробов – приятно белых после столичной грязи – просто безмолвно сник, когда я сказала:

– Спасибо, что проводил. Дальше я одна справлюсь.

В этот момент мне почудилось, будто даже его искусственный глаз засветился обидой. Но Никита не произнес ни слова, сел в машину, и я осталась одна, еще не подозревая, в каком гадюшнике окажусь.

Дом, где собрались ребята моего возраста и чуть старше, по крайней мере на вид, был не таким огромным, как у моего отца, но тоже впечатлил размерами и вычурными белыми колоннами портика. Его крыша была покрыта толстым слоем снега, и мне не удалось понять, какого она цвета. Этакая дворянская усадьба без дворян... Хотя их отпрыски тоже не отличались благонаравием и кутили похлеще нашего! Разве что наркоты в их время не было... А у этих ребят явно была, ведь все они походили на зомби со стеклянными глазами – протез Ивашина казался более живым.

Я нажала на покрытую мелкими капельками кнопку у ворот и назвала пароль, который сбросили в чате. Кованая калитка отворилась, и я прошла по скользкой плитке мимо замершего фонтана и пустующих заснеженных скамеек к высокому мраморному крыльцу. Все это здорово напоминало провинциальный дом культуры...

Для входа в сам дом уже не требовалось пароля, и я беспрепятственно вошла внутрь. Прямо у двери в меня воткнулся какой-то огромный парень, которому я была ниже плеча. Красная физиономия его расплылась от умиления, и этот полудурок сделал мне «козу» своими толстыми пальцами с желтыми ногтями:

– Ути-пути! Это кто тут у нас такой маленький?

– Руки убрал! – скомандовала я и сама различила в голосе нотки Логова. Хоть чего-то я у него нахваталась!

Только Артур не стал бы клацать зубами возле чужих пальцев, а я сделала это... Парень испуганно отдернул руку и посмотрел на меня с неподдельной обидой. Кажется, его сознание даже прояснилось на мгновение, по крайней мере, он вполне разумно пробормотал:

– Прощу прощения, мисс. Кажется, я принял акулу за малька... – И уплыл дальше, окликнув кого-то: – Эй, чел, погоди! Где тут...

Я нашла вешалку и нацепила свое пальто поверх чьего-то черного пуховика. Потом отправилась осматривать дом, в котором никому не было до меня дела. Здесь тоже все казалось каким-то старомодно-театральным: пыльные тяжелые шторы, пухлые кисти, свисающие по бокам, массивный буфет с матовыми стеклами, за которыми наверняка притаились мутные стопки и пузатые графинчики, сейчас пустые, но знававшие лучшие времена. Так и чудилось, что сейчас откуда-нибудь вынырнет Гаев и обратится с напыщенной речью к «многоуважаемому» шкафу, стоявшему в углу:

– Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости...

Зачем я запомнила этот монолог? Или он самовольно отпечатался в памяти, как многие чеховские фразы, которые при чтении проникают прямо в кровь и впитываются всем организмом? Когда я впервые увидела фотографию молодого Антона Чехова, мне захотелось плакать от того, что мы разминулись в веках, и этот красивый и умный мужчина никогда не полюбит меня. Он и так не полюбил бы подобную простушку, я понимаю... Такие мужчины влюбляются в женщин, похожих на мою маму, это объяснимо и заслуженно. А таким, как я, достаются...

Додумать я не успела. Чья-то чужая рука, прорывшись сзади под мышкой, схватила меня за грудь, а жадные губы впились в шею под мочкой уха. Я рванулась, но мое горло, обхватив, сжала другая рука, и у меня потемнело в глазах от того, как этот тип резко согнул локоть. Он тискал мою грудь, а мне казалось, что в кулаке у него мое сердце – так его больно сдавило. Задышавшись, я обвисла, потом начала нелепо дергать конечностями, но тот, чьего лица я даже не

видела, не отпускал. Мокрые губы хватали мое ухо, и я вдобавок оглохла от мерзких звуков, которые он издавал.

И вдруг что-то произошло, и я почувствовала, как падаю – руки, мучившие меня, внезапно разжались. Но в тот момент я предпочла бы рухнуть в бездну, чем остаться тряпичной куклой этого обдолбанного Карабаса.

– Пошел вон, урод, – прошипела девушка с бейсбольной битой в руке.

Похоже, секунду назад она здорово приложила парня, к ногам которого я свалилась. Девушка точно вышагнула из американского сериала – ясноглазая блондинка с пышными формами и битой наперевес. Откуда она взяла ее? Сама я в жизни не видела биты, только по телевизору.

– Оставь девчонку в покое, – проговорила «бейсболистка», глядя на него с такой ненавистью, что мне подумалось: ее саму, наверное, недавно изнасиловали.

Он хмуро глянул на меня, узкое длинное лицо его уныло вытянулось еще больше:

– Да пошли вы обе...

– Ублюдок, – выкрикнула она ему вслед и протянула мне руку, не выпуская своего орудия из другой. – Вставай. Тебе сколько лет? Тут вроде как для совершеннолетних туса...

Даже поднявшись, я оказалась на голову ниже ее. Но ей удавалось не смотреть на меня свысока, какой бы жалкой я, задыхающаяся и мокрая, не выглядела.

– Восемнадцать, – кое-как выдавила я.

– Да ладно?! – Она сделала удивленную гримаску. – Моя бабуля не зря говорила: «Маленькая собачка до старости щенок». Это не про собак, ясное дело.

– Я поняла.

Мне показалось, что девушка прислушалась. И выдала:

– Когда ты говоришь, то кажешься взрослее. Где учишься?

– Нигде, – призналась я.

Хоть она и была моей спасительницей, мне не хотелось рассказывать ей о маме, поэтому я наврала, что сдуру подала документы только в один вуз и не добрала баллов. Так не случилось, но ведь могло быть...

– Сглупила. – Она посмотрела на меня укоризненно. – Хорошо нас хоть в армию не загребут. Поступишь летом.

Откуда она взяла стакан, который сунула мне?

– Выпей, полегчает.

Это оказался коньяк, и я обрадовалась – с моим низким давлением только его и пить... Стало теплее и спокойнее уже от первого глотка.

– Давай залпом, тогда отпустит!

Я только хотела спросить ее имя, чтобы как-то обращаться, если мы продолжим разговор, но тут со второго этажа донеслось:

– Дина!

– Я здесь! – Она сразу вся встрепенулась и распушилась, как цветок, навстречу солнцу, и убежала, мгновенно забыв обо мне.

– Спасибо! – крикнула я ей вслед, но Дина не обернулась.

Для нее, похоже, больше никого не существовало, кроме невидимого парня, который звал ее. Мне даже трудно было представить, каково это, когда твой любимый, как солнце. Вполне возможно, я так и проживу, не прочувствовав этого...

«Без любви живет полсвета...»

Почему мама до своего последнего дня включала эту песню Дольского? В ее жизни ведь была настоящая любовь... У меня вдруг недобро заныло под сердцем: а вдруг мама не так любила Артура, как он ее? Что, если он стал для нее лишь красивой мезетью отцу? Надеюсь, никто не догадывался об этом, кроме нее... Артур этого точно не заслужил.

Внезапно мне вспомнилось, как он рыдал, корчась от муки над маминой фотографией. Эта картинка, полная надрыва и тоски, не раз всплывала в моей памяти, но только сейчас я подумала: неужели это была не боль потери, а осознание того, что ему никогда, уже никогда не заслужить любви той единственной, о которой он мечтал? Ни утешения, ни надежды – вот что рвет ему душу. У него не осталось грустного теплого осознания, с которым можно жить: «Меня любила самая прекрасная женщина в мире».

Не заметив того, я поднялась на второй этаж следом за Диной. Скорее, я пыталась убежать от своих горьких мыслей и здорового упыря, оставшегося внизу. По-хорошему, нужно было вызвать такси и катиться отсюда к себе домой, позвать Артура на ужин и спокойно, по-семейному, провести вечер. Как будто мне тоже сорок лет... Но Дина увлекла меня своим безудержным порывом, и я безропотно последовала за ней, думая совершенно о другом.

Мимо проскальзывали незнакомые мне люди, лиц которых я не различала. Скользила взглядом и тут же забывала. На это и рассчитаны подобные вписки? На улице никто из нас не узнает никого... Только запах останется в памяти, чуть тошнотворный, сладкий запах порока.

Почти не отдавая себе отчета в том, что делаю, я остановилась за спинами нескольких парней и девчонок, которые тихонько хихикали, снимая телефонами происходившее в одной из комнат. Машинально поднырнув под локоть высокого парня, я уставилась на две пары, занимавшиеся сексом прямо на большом пушистом ковре. Рыжие короткие волосы одной из девушек пламенели на сером фоне, и это могло показаться красивым, если б не выглядело таким скотством... Комната была проходной, и напротив тоже собралась толпа любопытствующих. Лица у всех были возбужденными и покрасневшими. На них было противно смотреть...

Мне никогда не удавалось понять, как людям удастся предельно раскрепоститься за считанные минуты, ведь эти четверо, как и остальные, не были знакомы до прихода сюда... Таковы правила вписки. Даже настоящие имена здесь нежелательны, и Дина вполне могла оказаться Машей или кем-нибудь еще. И тем не менее две пары уже оказались предельно близки друг другу.

– Черт, как они сумели?!

Кажется, я произнесла это вслух, потому что стоявший рядом невысокий мальчишка, выглядевший школьником, посмотрел прямо на меня и шепнул:

– Они не здесь. Неужели не ясно? Они все улетели и парят в поднебесье, где только один сплошной восторг. Хочешь так же? У меня есть кое-что...

Я молча выбралась из потной, возбужденной толпы. Улетели? Да, конечно... А через несколько часов они заблюют всю комнату и не смогут не только друг друга видеть, но даже на себя смотреть в зеркало? Нет уж, спасибо. Мне только ломки не хватало для полного счастья. Обойдусь коньяком, от него у меня хотя бы голова потом не болит.

Из ванной комнаты тоже доносились узнаваемые стоны, и мне показалось, что это голос Дины. Но прислушиваться я не стала, свернула в большую комнату, обставленную, как гостиная. По крайней мере, здесь были диван и телевизор. Только он был выключен, а на диване, раскрыв рот и похрапывая, спал какой-то толстячок. Его покрасневшие щеки сползали вниз, как непропеченное тесто. Пьяненькая девица писала фломастером у него на лбу – наверняка что-то тупое из заборной лексики. А вторая заглядывала ей под руку и покатывалась со смеху, словно ее новая подруга выдавала верх остроумия.

Я вышла из комнаты, не взглядевшись в надпись. Правда, иногда мне нравится читать то, что пишут на стенах заброшенных московских домиков. Встречаются настоящие перлы вроде «Бог любит даже меня». Я сфотографировала эту надпись и поставила у себя вместо аватарки. Хочется верить в это... Но в эту минуту мне не верилось совсем.

Сбежав вниз, я набрала номер Артура:

– Заберешь меня отсюда?

– Выходи, – отозвался он неожиданно. – Я уже у ворот.

Почему-то я даже не удивилась...

Сорвав с вешалки пальто, я выскочила на крыльцо и застыла от изумления: напротив дома в небе застыла пронизанная световым копьем луна. На самом деле это, конечно, был след, оставленный давно скрывшимся самолетом, но выглядела картинка так, будто злодей-великан запустил в яркий диск острое оружие. Но луна не сдавалась, пока я натягивала пальто, она потихоньку карабкалась вверх и на моих глазах уползла от копья. В какой-то момент она обернулась яблочком на тарелочке, а потом и вовсе отделилась от меркнувшей полосы.

«Надо было снять!» – как всегда с опозданием спохватилась я. Показала бы Артуру, может, он и не стал бы ворчать, что от меня пахнет коньяком...

«Ауди» ждала меня в двадцати шагах от ворот. Сев в машину, я вздохнула:

– Откуда ты знал, что мне захочется сбежать?

– Ты слишком умна для примитивных развлечений.

Артур произнес это серьезно, только блеск в глазах выдавал его.

– Что же мне делать с моим умом? От него же одно горе, это еще Грибоедов доказал.

Ему удалось удивить меня:

– Не так уж умен был его Чацкий, если честно! Он просто брызга. Можно понять, почему Софья не любила этого зануду...

«А почему мама не любила тебя? Такое понять невозможно».

Никаких доказательств маминого равнодушия не было, я сама все это придумала... Но отделаться от этой печальной уверенности уже не удавалось.

Что происходило на вписке, Артур так и не спросил, видимо, догадывался, как противно мне говорить об этом. Даже наедине с собой вспоминать не хотелось. Хотя во снах всю ночь мелькали прокуренные ногти, рыжие волосы на ковре, бита в крепких руках... Я понимала, что легко отделалась и вовремя удрала оттуда.

Похоже, Артур ничуть не сомневался: именно так и будет.

* * *

Этому идиотскому кобелю никогда не удавалось дотерпеть хотя бы до шести часов... Приходилось тащиться с ним затемно, бродить по пустым, вымерзшим дворам, пытаясь командовать сквозь зубы:

– Давай уже, скотина! Делай свои дела...

Дочь настаивала, чтобы Григорий Ильич непременно брал с собой саморазлагающийся пакетик, собирал собачье дерьмо и выбрасывал в мусорный бак. Она была просто помешана на экологии, как и все ее друзья-приятели. Чокнутое поколение... Григорий Ильич таскал в кармане для вида скользкий рулончик, но заставить себя убирать за Громом говно мог только днем, если свирепые старушки пристально следили, как его пес делает кучу. А сейчас, в темноте, можно просто быстро уйти подальше – попробуй докажи потом, кто нагадил!

Но сегодня Гром не спешил опорожнять кишечник, как хозяин ни подгонял его. Неумимо шнырял по кустам, выискивая что-то, и Григорий Ильич уже забеспокоился: как бы не сожрал чего – в сетях предупреждали, что в Москве и области лютуют догхантеры...

– Фу! – гаркнул он, увидев, как собака тащит что-то в зубах. – Гром, брось, я сказал!

Но пес исправно дотащил добычу и положил на снег прямо у носков его старых прогулочных ботинок. Брезгливо поморщившись, Григорий Ильич склонился над трофеем:

– Что ты приволок?

А когда понял – что, его тут же вырвало фонтаном. И откуда набралось? Не завтракал ведь еще...

* * *

Нужно было не вертеться всю ночь, изнывая от ревности, а спокойно спать, ведь все равно Никита был не в силах ничего изменить. И удержать Сашку не смог – ушла и не оглянулась. Что она творила за порогом этого проклятого дома, в котором проходила вписка, ему оставалось только догадываться. И как раз это было самым мучительным: воображение не щадило его, подсовывая пакостные картинки, всматриваясь в которые Никита то рычал, то плакал...

Нет, он понимал, что ничего подобного, возможно, и не происходило, и Сашка просто тихо напивалась где-нибудь в уголке. Или болтала с такой же случайно оказавшейся там девчонкой. Но скабрзные видения отравляли разум, и он отказывался рассуждать здраво.

Задремал он уже под утро и не сразу нашел в себе силы ответить на звонок. Но голос Логова прозвучал так жестко, что Никита махом проснулся.

– Спишь, что ли? Чтоб через десять минут был готов. У нас расчлененка.

Артур бросил трубку, прежде чем он успел спросить о Сашке – вернулась? Все в порядке?

– Иду, – выдохнул Никита и вскочил с постели.

Видеть расчлененные трупы ему еще не доводилось. И, судя по суровому тону Логова, он тоже не часто сталкивался с подобным. Хотя им вместе уже довелось ловить убийцу, снявшего скальп... Но Артур явно считал, что это дело – из ряда вон, поэтому не стоило рассусоливать, как говорил покойный дед, и заставлять следователя ждать.

Через десять минут Никита Ивашин уже стоял у подъезда, жадно кусая «Сникерс», припасенный на случай, когда некогда позавтракать. «Ауди» Логова подлетела раньше, чем он дождался батончик.

– Ну так-то уж зачем? – насмешливо протянул Логов, когда Никита запрыгнул на переднее сиденье. – Я не убил бы тебя, если б ты нормально позавтракал.

– За десять минут? Я спал вообще-то...

– Вообще-то уже семь часов. По-любому пора было вставать. – Артур кивнул на стоявший на передней панели пластиковый стаканчик с кофе и упакованный в бумагу сэндвич: – Угощайся.

– Ой, спасибо! – обрадовался Никита. – А то этот «Сникерс» у меня в горле застрял.

Торопливо развернув упаковку, он впился в теплую булку и застонал от удовольствия. Артур ухмыльнулся:

– В такие минуты особенно хочется обзавестись ребенком...

– Я не ребенок! – обиделся Ивашин.

– Нет, конечно, ты большой мальчик. Только дрыхнешь, как маленький.

– Да я не спал всю ночь...

Спохватившись, что говорить этого не стоило, Никита отхлебнул кофе: «Скорей бы прояснилось в башке!» Но было поздно – Артур схватывал все на лету и анализировал мгновенно:

– Переживал, что Сашка одна осталась на вписке?

От неожиданности Никита обжег нёбо и сморщился:

– Откуда вы...

– Я забираю ее оттуда. Тебя с ней не было. Не волнуйся, она выдержала там полчаса, не больше. Кстати, я и не сомневался... Поехал почти следом за вами, дал ей немного времени, чтобы заскучать.

– Вы так хорошо ее понимаете, – пробормотал Никита с завистью.

– Следователь должен быть психологом. Так что набирайся...

– Не поэтому. У вас с Сашкой какая-то особая связь.

Логов хохотнул:

– Скажи еще: астральная!

– Ну, вроде того... Значит, она дома?

– Спит, как младенец, хлебнувший коньячку.

– О!

– А ты думал, она совсем ангел-ангел? Не обольщайся... Но я смотрю, тебе полегчало, верно? Тогда слушай по делу...

И Логов выложил ему, что в половине шестого утра на окраине Королева собачник Григорий Комаровский выгуливал своего пса, и тот притащил откуда-то фрагмент женской ноги с педикюром. Отпилена в области колена. Мужика тут же стошнило, к счастью, в стороне от собачьей находки. Потом он очухался и потащил собаку домой. Но пока добирались до подъезда, Комаровский уже окончательно пришел в себя и позвонил в полицию. Место уже оцеплено, кинолог с овчаркой ищут остальные части тела. Пока безрезультатно. Полицейские сразу заметили на лодыжке золотую цепочку, значит, ограбление, как мотив, сразу отпадает. Возможно, убийство совершено на сексуальной почве...

– Офигеть! – вырвалось у Никиты, успевшего выпить весь кофе, пока Логов рассказывал.

– Ну да, – согласился Артур. – Убийца с фантазией. Хотя скальп на нее тоже было вполне художественно... Помнишь?

– Да вот только вспоминал...

– Погоди-ка. – Логов ответил на звонок: – Привет, Антон. Еще нашли?

«Поливец звонит». – Никита перестал дышать, пытаясь уловить хоть слово. Но Артур использовал гарнитуру и ничего расслышать не удалось.

Он сам пояснил, когда оперативник отключился:

– В Королеве еще одна находка: бомжиха наткнулась на женскую руку. Сознательной оказалась – притащила ее в полицию. В пакетике... Хотя лучше было ничего не трогать, но у жительницы космической столицы телефона не оказалось, чтобы полицию вызвать. А бросить руку без присмотра она побоялась. Как раз о собаках подумала – могут ведь и сгрызть!

– Рука с маникюром? Ну, раз педикюр был...

– Девушка следила за собой, – согласился Логов. – Скорее всего, была хорошенькой, но это мы узнаем позднее.

– Когда голова найдется?

– Если к тому времени будет на что смотреть... Надеюсь, сможем установить личность девушки уже по найденным фрагментам.

– А почему вы думаете, что это девушка? Ну, в смысле, молодая...

– Цепочка на лодыжке... Обычно их носят юные девушки. Разве не так?

Никита пожал плечами: на ноги взрослых женщин он обычно не обращал внимания. Что они там носят? У Саши ножки были маленькими, с узкими ступнями и аккуратными пальчиками. Их так и тянуло поцеловать... Он резко тряхнул головой: не думать об этом! Белая ракета на въезде в Королев уже неслась им навстречу. Надо собраться. Даже не вспоминать о Сашке. О том, как она спит сейчас, высунув из-под одеяла ножку. Почему-то ему виделось именно так, хотя ни разу Никита не был допущен в ее спальню...

«А Логов? – Он так и обмер. – Нет. Этого не может быть. Просто не может».

– Ты чего волком смотришь? – Артур поймал его взгляд.

Спохватившись, Ивашин опустил глаза:

– Нет, я... Задумался просто.

– Пытаешься вжиться в его шкуру?

– Кого? – не понял он.

– Убийцы. Расчленителя. Это часто помогает, но только при условии, что у тебя крепкие нервы.

– У меня крепкие. – Никита невольно расправил плечи.

Выглядеть мачо ему не удастся никогда, но хоть не слизняком... Каким он видится Сашке, интересно?

Но Артур вернул его на землю, заговорил о следственных мероприятиях, которые надо провести в первую очередь. Помогут ли отпечатки пальцев мертвой руки? Девушки может не оказаться в их базе, если ни разу не привлекалась, не чудила...

– Есть надежда, что ее хватятся родные или друзья, если она жила самостоятельно. Все полицейские участки региона уже предупреждены, что нельзя отмахиваться от заявлений об исчезновении молодой женщины. Кто-то же должен заметить исчезновение девушки с такими красивыми, как говорят полицейские, руками... По крайней мере, одной.

«Почему он отрезал их? – попытался понять Ивашин. – Как же надо ненавидеть ее тело, чтобы расчленить...»

– До конца маршрута осталось сто метров! – радостно возвестил навигатор голосом спортивного комментатора, и Никита поспешно огляделся.

Их окружали старые двухэтажные домики, построенные скорее всего еще до войны. Все они знавали лучшие времена: краска фасадов давно облезла, а кое-где и штукатурка отвалилась, оставив черные жутковатые кляксы. Но на некоторых сохранились «архитектурные излишества» сталинских времен. Высоченные тополя замерли в ледяном сне и только на самых верхних, тончайших ветках покачивались две вороны. Как они только удерживались?

Полосатые ленты, которыми было оцеплено место возможного преступления, так трепетали на ветру, что Никита незаметно поежился – до того не хотелось покидать теплую машину. Хорошо Сашка спала дома... Но Логов решительно выбрался на мороз, и пришлось следовать за ним, куда денешься.

Им навстречу уже спешил Овчинников – худой настолько, что, казалось, его покачивает ветром. Но Никите уже довелось убедиться: силы в этом поджаром теле хоть отбавляй. К тому же он был проворнее полноватого Поливца и легко догонял любого, кто пытался сбежать от ареста.

Церемонии рукопожатия они никогда не устраивали, ограничивались кивками. Оперативник сразу перешел к делу:

– Мужик, собака которого нашла эту ногу, сейчас отогревается, он тут долго куковал. – Овчинников указал на песочного цвета дом с двумя подъездами. – Четвертая квартира.

– Окна во двор выходят, – не спросил, а уточнил Логов.

Овчинников кивнул:

– Следит, не иначе.

– Где его прекрасная находка?

– У Коршуна в лапах...

– Он уже здесь?

– Минут пять как приехал. Опередил судмедэксперта...

На Никиту Логов даже не взглянул, но все равно ему послышался укор: «И меня. Это пока я за тобой заезжал!» Хотя криминалисты практически всегда ухитрялись прибыть на место раньше следователя.

Так ничего и не сказав, Артур направился к низенькому Коршуну, больше похожему на маленькую игуану, чем на свободную птицу. Зачем-то кивнув оперативнику, Никита двинулся следом за начальником, хотя тот и не звал его с собой. Но Логов никогда и не запрещал помощнику присутствовать при его разговорах со специалистами. А как еще научишься премудростям дела?

Когда Артур приблизился, Коршун, держа в руках часть женской ноги, спрятанной в прозрачный пакет, заканчивал фразу:

– ...не больше восьми часов. Точнее вам скажет судмедэксперт.

«Убита в районе 23 часов 31 января», – записал Никита в блокнот и сообразил, что наступил февраль. Сегодня в сетях все будут цитировать Пастернака, это повторяется из года в год. Это раздражало: его стихи казались Никите слишком слезливыми, он предпочитал Гумилева. Но с Сашкой о поэзии не спорил, уж в этом она разбиралась куда лучше. Однажды даже устроила им с Сережкой вечер поэтических загадок: читала на память стихи, а они должны были назвать автора. Тогда Никита и запомнил: «Февраль. Достать чернил и плакать!»

– Хотя эти строки у всех застряли в памяти, – как-то заметила Сашка с презрением.

Ее сместили потуги неучей выдать себя за знатоков, поэтому Никита не решался высказываться при ней о литературе. Особенно после того, как увидел обратную сторону листка, на котором она записала свои соображения по делу.

– Что это? – Он тогда уставился на фразу, показавшуюся сплошной тарабарщиной.

Сашка взглянула мельком:

– А... Титульный лист моего индивидуального проекта. Это я еще в школе делала...

Никита прочитал вслух:

– «Скрытый главный герой и ложный протагонист в литературе и кинематографе». Это о чем вообще?

Ее чуть выпяченная нижняя губа задрожала от смеха:

– Цель проекта: разобраться в понятиях «ложный протагонист» и «скрытый главный герой», объяснив тем самым важность анализа системы персонажей в произведениях литературы и кинематографа... Черт, я до сих пор это помню!

– Ну ты даешь, – выдохнул он, глядя на нее с недоверием. – И где эти протагонисты? Я, наверное, и не читал такого...

– Просто не задумывался. Я проанализировала повесть «Белый клык» Джека Лондона, «Мастера и Маргариту», сам знаешь кого... Потом своего любимого «Гамлета».

– «Гамлет» – твоя любимая вещь? – поразился Никита. – Я думал, девушкам ближе «Ромео и Джульетта».

– С чего бы это? Похоже, что я готова покончить с собой из-за подросткового гормонального взрыва?

– Нет, конечно, – торопливо заверил он и снова уставился на листок. – Тут написано: «...и кинематографе».

Она улыбнулась:

– Смотрел «Запрещенный прием» Зака Снайдера? А «Психо» Альфреда Хичкока?

Никита удрученно вздохнул:

– Хватит. Я уже чувствую себя полным дебилом...

– Кстати, «Психо» – это экранизация романа Роберта Блоха «Психоз». Я поспорила бы о достоинствах того и другого, но...

– Не со мной, – подытожил он.

Оба фильма ему удалось посмотреть, и они показались ему чертовски странными. А до книги Блоха он так и не добрался. Ему вообще трудно было читать одним глазом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.